

Сергей Федорович Кулаков

Курильская обойма

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174003
Курильская обойма: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-23763-0*

Аннотация

Эхо Второй мировой продолжает тревожить планету. Обиды, ревность и злоба до сих пор гложут людские души. Японские террористы, «борцы» за возвращение Курил, хотят переписать дальневосточную карту, а заодно и похоронить тысячи мирных жителей. Коварные, как шакалы, безжалостные, как цунами, они готовы на все. На пути террористов всего один человек. Мало? Достаточно, если этот человек – капитан ГРУ Морозов.

Содержание

10 октября, вечер, Подмосковье	6
12 октября, 22.15, Южно-Сахалинск	18
13 октября, 6.30, Сахалин	32
13 октября, 14.40, о-в Кунашир	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Кулаков

Курильская обойма

Большая океанская яхта, стоящая в двух кабельтовых от берега, медленно покачивалась на волнах. Дул теплый восточный ветер, поплескивал водой в борт. Плывающие по небу облака то закрывали луну, похожую на слегка сдувшийся мяч, то вновь открывали ее. И тогда в голубоватом, рассеянном свете на белом борту судна можно было увидеть два крупно выведенных иероглифа. Чуть ниже, шрифтом поменьше, латинскими буквами значилось «Kiosì».

На палубе яхты, несмотря на поздний час, наблюдалось некоторое движение. Огни не горели, палуба скупо освещалась светом, идущим из открытой рубки. Но этого света было достаточно для нескольких человек, которые готовились к погружению. На четверых из них (трое мужчин и одна женщина) были надеты черные гидрокостюмы, не дающие световых бликов, маски и баллоны с дыхательной смесью.

Еще двое помогали им. Помощь главным образом состояла в том, чтобы приготовить к спуску на воду два тяжелых металлических контейнера. Контейнеры были невелики, величиной примерно с телевизор кухонных размеров, но чрезвычайно увесисты.

Порой слышались негромкие переговоры, впрочем, весьма немногословные. Те, кто собрался на судне, большей частью общались посредством жестов, лишь изредка роняя слово-другое. Возникло ощущение, что все они озабочены сохранением тишины и чего-то опасаются.

Вскоре обнаружился и предмет их опасений. В том направлении, где находился нос корабля, из-за береговой скалы ударил луч прожектора и послышался ровный гул мощного двигателя.

Из рубки прозвучала отрывистая команда. Все шестеро несуетливо, но быстро нырнули в люк, скрываясь в трюме от посторонних глаз. Последний закрыл за собой крышку люка. Оба тяжелых контейнера были предусмотрительно поставлены вплотную к борту и оставались в его тени. Из рубки вышел человек, пинком ноги накрыл контейнеры какой-то ветошью, что-то проворчал под нос и вернулся в рубку.

Через несколько минут к яхте на малой скорости подошел пограничный катер за номером 347. Луч прожектора на подходе как бы невзначай скользнул по борту и низкой палубе яхты. Человек в рубке, японец лет сорока, вышел на палубу и приветливо махнул рукой тем, кто находился на катере. Катер, поравнявшись с яхтой, совсем замедлил ход.

– Все спокойно у вас? – опираясь на планшир, спросил у японца российский офицер в чине старшего лейтенанта.

– Сипакойна, надзярьника, – улыбаясь, радостно закивал японец.

– Завтра шторм будет, знаешь? – спросил старлей.

– Да, дзнаю, дзнаю, – снова закивал японец, улыбаясь еще шире, словно сообщение командира катера страшно обрадовало его. – Сторма несирьяная, нам не боядза.

– Ну-ну... – кивнул старлей. – Бывай тогда.

– Взего хародзего, – усиленно закивал японец.

– Полный вперед, – отдал команду старлей.

Катер вспенил воду за кормой, нос его приподнялся – и он резво помчался дальше. Японец, с лица которого в одно мгновение сошла улыбка, некоторое время следил за ним настороженным взглядом. И лишь когда вдали растаяли кормовые огни, он подошел к люку и дважды стукнул в него пяткой. После чего снова вернулся в рубку, на свой пост.

Крышка люка откинулась, на палубу бесшумно и ловко выбрались аквалангисты и их помощники. Потеря во времени составила едва ли не четверть часа, и они торопились нагнать упущенные минуты.

Аквалангисты надели ласты и с нависающей над самой водой кормы-ступеньки по одному без плеска опустились в воду. Те, что остались наверху, осторожно подали им тяжелые контейнеры.

Две пары аквалангистов, взяв контейнеры за ручки, погрузились метров на пятнадцать, включили фонари и минут пять плыли под водой в ту сторону, откуда появился катер.

Мелкие морские рыбешки ошалело бросались на яркий свет фонарей, но опытные пловцы не обращали на них внимания и уверенно продвигались вперед, неся со всеми предосторожностями свой груз. Специальные аппараты замкнутого типа не стравливали дыхательную смесь в воду, аквалангисты скользили в морской толще, прекрасно ориентируясь в донном рельефе.

Доплыв до подводной пещерки, находящейся в нижней части скалы, они извлекли из нее похожие на небольшие торпеды буксировщики. Эти портативные аппараты, производившие минимум шума, позволяли передвигаться под водой со средней скоростью в восемь километров в час, что значительно экономило время и силы.

Прицепившись попарно к буксировщикам, пловцы, не выпуская из рук контейнеров, плавно погрузились еще метров на двадцать. Держась почти у самого дна, они взяли направление в открытое море и вскоре бесследно растворились в безграничной подводной тьме.

На яхте тоже все затихло. Палуба опустела. Лишь в рубке остался вахтенным молодой японец, сменивший своего старшего товарища.

10 октября, вечер, Подмосковье

Сергей Ильич Демидов сидел по самую шею в большом деревянном чане, наполненном горячей водой. Вода для него была слишком горяча, но он терпел, показывая всем своим видом, что находится наверху блаженства.

Рядом с ним в таком же чане возлежал, прикрыв веки, пожилой японец. От воды шел густой пар. Казалось, что японец варится заживо. Сергей Ильич с некоторым страхом поглядывал на своего соседа. Как бы он того, не превратился в вареную говядину. С кем тогда вести дела?

А дела для господина Демидова, дородного мужчины сорока девяти лет, коренного сибиряка, депутата Государственной думы от фракции «Единая Россия», складывались весьма и весьма неплохо.

В Думе он возглавлял комитет, занимающийся проблемой Курильских островов. Тех самых, на которые настойчиво высказывала свои притязания Япония.

Проблема числилась в разряде архиважных и была на контроле у президента. Поэтому комитет не страдал от недостатка средств, а Сергей Ильич, как его глава, мог запросто войти в самые высокие кабинеты и на короткой ноге общаться с представителями многих, не последних в мире, государств.

Особенно, понятное дело, частенько он пересекался с посольскими работниками из Японии. Все это происходило вполне легально. Проблема существовала еще с советских времен. Но несмотря на все усилия японцев, руководство СССР твердо стояло на том, что «что с возу упало, то пропало», и точка. И не допускало ни малейших уступок.

Затем Борис Николаевич активно обсуждал ее в годы своего достопамятного правления и от широты души чуть ли не отдал японцам все, что они просили. Хорошо, вовремя остановили... Путин повел себя иначе – он-то хорошо понимал, что значат Курилы для России, – и дал понять, что ничего никому возвращать не собирается.

Японцы, взбодрившиеся было при Ельцине, приуныли, но надежды не оставили. Переговоры вступили в новую фазу, в ход были пущены различные политические уловки и многоходовые финансовые комбинации.

Для Сергея Ильича Демидова, человека ловкого и не лишённого практической смекалки, не составило труда определиться с выбором генеральной линии. Особенно после того, как ему было сделано деловое предложение с японской стороны.

В Думе, в прессе и на телевидении он твердо и решительно заявлял, что японцы не имеют никакого права на Курильские острова и не получают ни пяди российской земли, а равно и прилегающих к этой земле водных просторов. А попутно, в глубинах Госдумы, в различных министерствах и ведомствах, в кабинетах и кабинетиках, вел незаметную, но очень важную для Японии работу, направленную на лоббирование ее территориальных интересов и расшатывание внешней политики России в отношении своего восточного соседа.

За эту хлопотливую и небезопасную деятельность Сергей Ильич получал щедрое вознаграждение.

Японцы не скупались и проплачивали не только оговоренный ежемесячный гонорар, но и все текущие расходы. А таковых хватало, ведь мало кто соглашался пойти навстречу «за так», каждый норовил отхватить кусок пожирнее. В чем в чем, а в этом российские чиновники поднаторели. Еще о деле и двух слов сказано не было, а они уже руку ковшиком вперед протягивали...

Японцы платили и не жужжали. Уж больно им хотелось получить назад хоть часть территорий, утраченных после Второй мировой. Сергей Ильич пользовался удачным моментом и не скромничал. А чего скромничать? Не он, так другой – в этом Демидов, изучивший

Систему изнутри, ничуть не сомневался. К тому же речь шла о таких суммах, в которых его гонорары тонули, как песчинки в море. В отличие от многих непосвященных граждан, он прекрасно знал, какие колоссальные доходы могут приносить отдаленные, заброшенные Россией острова. Японцы, умеющие считать деньги, не зря пускали на них слюну. Было на что.

Сегодня Сергей Ильич был приглашен в загородный дом господина Масару Ибуки, первого советника японского посла. Господин Ибука уже около года вел дела с Демидовым, они частенько встречались то на официальных приемах, то попросту, за холостяцким ужином в элитном японском ресторане. Но в свою загородную резиденцию, то есть к себе домой, господин Ибука пригласил Сергея Ильича впервые.

На то имелась особая причина, и Демидову она была хорошо известна. Японцы затеяли очень серьезное предприятие, которое, в случае успеха, могло сильно приблизить их к осуществлению заветной мечты. Чтобы предприятие это прошло успешно, Сергей Ильич приложил немало сил. С его подачи процесс начался и, насколько он был в курсе, успешно набирал силу. Так что японская сторона была кровно заинтересована в том, чтобы Демидов играл в том же духе на их стороне, и играл активно. Для этого они удвоили его обычный месячный гонорар, а кроме того, в случае успеха обещали десять миллионов фунтов стерлингов и почетное японское гражданство.

От второго Сергей Ильич решил вежливо отказаться, а вот первое стоило обсудить подробнее. Десять миллионов фунтов – сумма, конечно, приличная. С учетом уже накопленного капиталца это кое-что, даже в условиях нынешних диких цен. Но все же маловато, малова-ато! Если япошки получают свои острова – с прямой помощью Сергея Ильича, – то их бюджет начнет пополняться миллиардами долларов. Ежегодно. На много-много лет вперед. И что в таком случае для них какие-то десять миллионов фунтов? Копейки. А для него это принципиально важный момент, ибо для чего же он старается, как не для денег? Не за идею же ихнюю, японскую. Несправедливо. Надо этот вопросик уладить, чтобы не было недоразумений. Бог свидетель, он не сквалыжник какой-нибудь. И лишнего никогда не брал. Но тут ведь момент особый. Одно дело разговоры келейные о том о сем, другое – натуральная диверсия, да еще крупных масштабов. Направленная, между прочим, на подрыв экономической и политической мощи России. Это уже не шуточки.

Несмотря на свою побочную деятельность, Сергей Ильич вполне искренно считал себя патриотом. И не мог позволить, чтобы Родину уронили в грязь лицом за просто так. Или платите как полагается, или – увольте... Мы задешево не продаемся, цену себе, слава богу, знаем. Так что деньги на бочку. Настоящие деньги.

Вот только как к этому вопросу деликатно подойти? Сколько Сергей Ильич ни имел дел с японцами, а так и не постиг всех тонкостей их взаимоотношений. Будут улыбаться, бесконечно кланяться, говорить ни о чем, а о самом главном – в последнюю очередь и как о пустяке. Русский человек как привык: сначала дела перетер, руки в знак договора пожал – и давай расслабляться по полной. Душа-то уже спокойна. А тут жди удобный момент, терпи, изображай радость необыкновенную...

Но делать нечего, надо терпеть. На то они и трудности, чтобы их преодолевать. И Сергей Ильич преодолевал их стоически, ничего не скажешь.

Сразу по приезде господин Ибука предложил сходить дорогому гостю в баню. Освежиться и расслабиться с дороги. Сергей Ильич такому предложению был только рад. Баньку он любил, как всякий русский человек, да и где решать важные дела, как не в бане? Самое место для серьезного разговора. И доверие нужное устанавливается, и посторонних нет.

Но не учел он одного: в баню его пригласили японскую, и напарник его – чистокровный японец. Все пошло не так, как он привык.

Вместо того чтобы первым делом залезть в парную и распариться до костей, господин Ибука затеял мыться. Мылся он не просто так, а с помощью двух молоденьких японок, одетых в одни лишь набедренные повязки.

Еще две девушки начали намыливать дородное тело Сергея Ильича. Они старательно терли его мягкими рукавицами, пропитанными ароматной мыльной пеной. Девушки были симпатичные и терли Сергея Ильича со всех сторон, без колебаний залезая в промежность. Это было хоть и приятно, но, мягко говоря, непривычно, что ли. Агрегат Сергея Ильича от столь откровенных прикосновений начал быстро приходить в боевую готовность, и ему стоило немалых сил сдерживать вполне понятное возбуждение. Неловко прикрывая срам обеими руками, он косился на господина Ибуку, чтобы сориентироваться в непривычной обстановке.

А тому было хоть бы что. Опустив толстые складчатые веки на узкие глаза, он полулежал на низенькой скамье, позволяя девушкам охаживать себя со всех сторон. Да ему-то и легче было не обращать на них внимания. Сложением он напоминал подростка, правда, с седой головой, и детородные органы у него были мальчуковые. Не то что Сергей Ильич, который и телом, и мужским достоинством был, что называется, не обижен. Поди сладь с натурой, когда вокруг тебя, голого и готового к бою, трутся такие куклы. Сергей Ильич и прихватил бы уже которую, да понимал, что здесь это не принято. Раз хозяин никого не трогает, то и ему не след. Чертовы их японские обычаи! Так и глаза на лоб могут выскочить.

Слава богу, девушки смыли с него мыльную пену и наконец ушли. Кое-как Сергей Ильич успокоился. А господин Ибука уже лез в чан с дымящейся водой и жестами приглашал гостя занять место в соседнем чане. И так при этом сладко улыбался, шурил глазки.

Сергей Ильич сунул ногу в чан и чуть не ахнул в голос. Это ж почти кипяток! С ума сойти, лезть в такую воду. Надо хотя бы холодненькой плеснуть...

Но проклятый Ибука уже погрузился по самые подмышки и всячески выражал удовольствие. Делать нечего, назвался японским гостем, полезай в кипяток.

Сергей Ильич сжал зубы, закрыл глаза и медленно погрузил в воду большое тело. Потихоньку выдохнул, сел чуть удобнее, хотя каждое движение вызывало жгучую боль... Кажется, терпеть можно. Главное, не шевелить ничем, даже пальцем. Не говоря уж про остальное. То-то Ибука не возбуждается. Где там возбудишься, когда все давно сварено вкрутую.

Через несколько минут Сергею Ильичу стало даже приятно. А ничего япошки, нормально придумали. Веничек бы еще сюда можжевеловый, спинку и грудь потерять. Ну да ладно, можно и без веника. На улице дождик холодный с утра припустил, ветерок подул осенний, неласковый, а тут тепло, уютно, и пахнет так успокоительно...

Едва он, прикрыв глаза, начал расслабляться, в комнату снова вошли те же девушки, на этот раз с кувшинами в руках. Они добавили кипятку в чан господина Ибуки, который едва заметным кивком выразил одобрение, и заодно щедро подлили гостю.

Сергей Ильич едва не завопил и не выскочил из чана. И так еле терпел, боялся шевельнуться, а тут новая порция кипятка. Сварить его они, стервы узкоглазые, хотят тут, что ли?!

Видимо, девушки по выражению его лица поняли, что гостю и так слишком горячо, и больше на него кипятком не тратили. Зато хозяину лили и лили вар, да все крутой, с густым паром, Сергей Ильич начал всерьез опасаться, как бы тот не помер чего доброго... У него-то самого вода давно остыла до терпимого уровня, и он молча скучал, ожидая, когда можно будет такую баню покинуть к такой-то матери. Но Ибука! Это ж какое надо иметь здоровье, чтобы без малого час сидеть по уши в кипятке – и хоть бы хны?! Самураи, одно слово, что с них взять...

И как тут с ним поговорить о деле, когда он весь, как вареная сарделька? Условия-то хорошие: посторонних нет, и времени хватает. Да вот толку с этих условий, ежели вторая сторона ни мычит ни телится?

Нет, неправильные все же люди японцы. Взрослый вроде человек, седой совсем, а простых вещей не понимает. Лежит в своем кипятке, пельмень пельменем, и слова от него не добьешься. Может, за sake разговорится? Если, конечно, до sake дойдет. А то ведь могут вручить конверт с инструкциями и деньгами и отправить домой восвояси. С них, азиатов, станется. И выйдет, что только зря страдал.

Но напрасно Сергей Ильич опасался. После бани, когда его и хозяина, распаренного до малиновой красноты, все те же девушки-прислужницы обрядили в просторные, удобнейшие кимоно, наступил час ужина.

Крытым переходом господин Ибука проводил Сергея Ильича в дом, где за раздвижными дверями находилась гостиная. Господин Ибука уселся прямо на застеленный жесткими циновками пол, подложив под бок твердый валик. Сергей Ильич тоже кое-как устроился на полу, не без труда подобрав под себя негнущиеся ноги. В ресторане хоть стульчики давали, а тут и того нет. Ноги, подвернутые под зад, с непривычки сразу стало ломить, но он решил потерпеть. «Баню» вытерпел, переживет как-нибудь и это.

Стол, низенький, едва возвышающийся над полом, был уже накрыт. То есть на нем стояли две пустые тарелки на бамбуковых подстилках, две фарфоровые пиалки для sake, лежали палочки для еды – и все.

Ожидая, пока принесут угощение, Сергей Ильич оглядывал интерьер.

Простенько и со вкусом. Обстановка, без преувеличения, как в сиротском доме. Голые стены и циновки на полу. Если бы не стол, хоть катайся от стенки к стенке. Хотя нет, некие украшения все-таки имелись. В неглубокой стенной нише висел свиток с иероглифами. Под ним – ваза с сухими цветами. Свиток даже не пергаментный. Простая бумага, с желтизной, и надпись явно от руки. Ваза – обыкновенная деревенская глина. И цветочки под стать вазе, на любом огороде таких сорняков пуками можно надергать. Икебана, япона мать... Черт, богатый же человек. Ну, не бедный, во всяком случае. На прислужниц деньги есть, а на пару стульев и буфет с сервизом не нашлось? Что за люди...

– Что написано на этом свитке, Ибука-сан? – спросил почтительно Сергей Ильич.

– Это хокку, – ответил почти без акцента хозяин. – Хокку – японское стихотворение.

– Да, да, я знаю... А о чем в нем говорится?

– О судьбе. Этот свиток достарся мне от моего отца. А ему – от его отца, моего деда. Он был известным поэтом, состоял при дворе... Это наша семейная рериквия. Я храню его как самую боршую святыню.

– А-а... – сделав значительную мину, покивал Сергей Ильич.

Ну, «рериквия» так «рериквия», храни.

Все же как бы пару слов о деле вернуть? Сергей Ильич покосился на Ибуку. Тот был важен и молчалив – не подступиться. Ладно, подождем, пока хлебнешь sake. Обычно после sake серьезный разговор и начинался. Правда, была опаска, что господин Ибука, по своему обыкновению, быстренько обговорит текущие дела, даст несколько очередных указаний – и на этом разговор закончится. Однако Сергей Ильич твердо решил завести речь о том, что его больше всего интересовало, и не отстать, пока не будет получен положительный ответ.

Вошли одна за другой давешние «банные» служанки в белых хлопковых кимоно, внесли подносы с яствами: рыба, осьминоги, крабы, трепанги, обязательные суши, маринованные овощи, кувшинчик с подогретой sake... Все это было ловко расставлено на столе, после чего прислужницы бесшумно удалились.

Вместо них к столу вышли две молодые японки, одетые в дорогие шелковые кимоно. На тонких талиях – широкие пояса, завязанные пышными бантами на спине, на головах

– высокие сложные прически. Кимоно были расписаны яркими цветами, отчего девушки напоминали больших тропических птиц. У одной преобладали розовые тона, у другой – бирюзово-салатовые. На нежных лицах лежал толстый слой грима, превращая их в безжизненные маски.

Это были гейши, в чьи обязанности входило изображать роль хозяек дома и развлекать мужчин. Они сели по другую сторону стола, привычно опустившись на колени и пятки, и одна из них грациозно наполнила фарфоровые пиалки мужчин саке. Затем с низкими поклонами они попросили мужчин выпить.

Сергей Ильич, который с этими обычаями был хорошо знаком, упираться не стал и с удовольствием последовал приглашению.

Двадцатиградусная рисовая водка, да еще почему-то горячая, это, конечно, не то что наша, сорокаградусная, высшей очистки, в меру охлажденная. Но на худой конец сойдет и такая. Под все эти полусырые, а то и вовсе сырые морепродукты, под пластилиновый рис и тошнотворные овощи только саке и пить.

Сергей Ильич предпочитал вообще-то жирную и пряную китайскую кухню, но тут выбора не было. Поэтому он с аппетитом уплетал то, что подавали, да с охотой опрокидывал в рот чашечки с саке, которые ему и хозяину исправно подливали улыбчивые и вышколенные, как генеральские денщики, гейши.

Через полчаса за столом стало веселей. Господин Ибука отмяк и начал отпускать сальные шутки, от которых гейши заливались звонким смехом. Шутили по-русски, и Сергей Ильич тоже участвовал в разговоре – не без успеха. Теплая водка приятно ударила в голову, языки развязались, вся строгость господина Ибуки исчезла без следа. Теперь это был радушный хозяин, который больше всего заботился о том, чтобы его гость чувствовал себя как дома. На столе одно блюдо сменялось другим, кувшины с подогретой саке все время обновлялись...

Когда вечер был в разгаре, из-за стены послышалось мелодичное бречание сямисэна – трехструнного музыкального инструмента. Девушки поднялись из-за стола и исполнили древний церемонный танец. Танец был очень строг и прост, лица-маски неподвижны, каждое движение выверено до миллиметра.

Непривычный к подобному зрелищу европеец вряд ли назвал бы этот танец красивым. Но Сергей Ильич, насмотревшийся подобных зрелищ во время походов по японским ресторанам, выступлением гейш остался доволен и наградил их громкими рукоплесканиями.

Посидев еще немного с мужчинами, девушки, повинувшись едва уловимому жесту господина Ибуки, отвесили поклон, почти касаясь лбами пола, и скрылись за дверью. Сергей Ильич понял, что наконец-то пришла пора серьезного разговора. Он сделал внутреннее усилие и легко отогнал от себя хмель. Да и хмель-то особого не было, так, баловство одно, вроде как от пива. Изрядно закусив всем, что было на столе, Сергей Ильич мог бы еще пить и пить, да не саке, а что-нибудь покрепче, закалка-то, слава богу, наша, советская. Так что мозги у него были в полном порядке.

– Как вам нравится угощение, Сергей-сан? – спросил хозяин, искоса поглядывая на гостя.

Недавняя веселость слетела с него, как не было. Теперь это снова был собранный и многоопытный чиновник, готовый со всей вверенной ему ответственностью решать какие угодно вопросы.

Сергей Ильич поджался, хотя на лице его расплылась широкая улыбка.

– Благодарю, Ибука-сан, все замечательно.

– Кажется, вы не прищри в восторг он японской бани? – прищурил и без того узкие глаза Ибука.

– Ну почему? Довольно оригинально. Хотя немного неожиданно...

– Вам нужно чаще бывать в наших банях, – заметил господин Ибука. – Тогда вы привыкнете и оцените все удобство и эффективность такого рода отдыха.

– За чем же дело стало? – усмехнулся Сергей Ильич. – Приглашайте чаще – быстрее привыкну.

– Договорись, – поклонился господин Ибука.

Он налил гостю и себе sake, они поклонились друг другу и выпили. Сергей Ильич зажевал маринованной морковкой. Господин Ибука закусывать не стал.

– У нас возникла небольшая проблема, – выдержав приличествующую моменту паузу, негромко сказал он.

– Закончилось sake? – мстя за баню, осведомился Сергей Ильич.

Господин Ибука вежливо улыбнулся, но шутку не поддержал. Посерьезнел и Сергей Ильич. Что ж, раз начались взрослые разговоры, будем разговаривать по-взрослому.

– Ваши пограничники вниматерно средят за нашими рюдьми. Очень вниматерно, – подчеркнул слово «очень» Ибука. – Вы понимаете, о чем я?

– Кажется, да, – кивнул Сергей Ильич. – Пограничники мешают вашим людям работать, так?

– Очень мешают, – снова сделал упор на «очень» Ибука. – Борее того, есть вероятность, что они обнаружат истинную подопреху нахождения там нашего судна, и тогда не избежать борших неприятностей.

– Это точно, – не стал спорить Сергей Ильич.

– Необходимо срочно принять меры, – заявил господин Ибука. – Иначе вся наша работа может потерпеть крах. А этого допустить нельзя. Во-первых, на этот проект уже затрачены боршие деньги. Во-вторых, еси он сорвется сейчас, то осуществить его повторно будет уже невозможно.

– Ну да, фээсбэшники будут начеку и больше не позволят Японии проводить какие бы то ни было изыскания на российской территории, – беззаботно заметил Сергей Ильич.

Господин Ибука горестно покачал седовласой головой. Сергей Ильич искоса поглядывал на него, прикидывая, какую все же цену запросить. Тут главное – не прогадать. Момент подходящий, спору нет, но ведь и чересчур давить на горло тоже нельзя. Япошки могут заартачиться, впасть в амбицию и вообще разорвать контракт. Найти ведь замену Сергею Ильичу, в принципе, не так сложно. И он, и они это прекрасно понимают. Время, конечно, будет потеряно, но зато они сохранят деньги и, что для них, чертовых самураев, самое главное – лицо. А Сергей Ильич может остаться ни с чем. И это-то особенно обидно. На верном пути к законному богатству, можно сказать, в нескольких шагах от него, и разом потерять все по собственной глупости? Не-ет, сие допустить никак нельзя. Надо сработать тонко и точно, чтобы и волки остались сыты, и овцы целы. А это уже, что ни говори, искусство...

– Вообще-то эта проблема не представляется мне неразрешимой, – сев поудобнее, неторопливо и с удовольствием заговорил Сергей Ильич. – Нужно будет связаться с одним человеком на Сахалине, поговорить с ним, объяснить ситуацию...

Он покосился на Ибуку. Тот слушал вроде бы бесстрастно, но голова едва заметно кивала в такт его словам: да, да, да, так мы и сделаем...

Ну, еще бы, другого они и не ждали!

– Тут мне, Ибука-сан, любопытные цифры на днях представили в комитете, – вдруг заговорил совсем о другом Сергей Ильич. – Хотите послушать?

Господин Ибука перестал кивать и перевел взгляд на переносицу гостя. Тот струхнул, но отступать уже было поздно. Ладно, будь что будет. Если он сейчас не начнет этот разговор, он не начнет его никогда и до скончания века будет казнить себя за трусость. Так что вперед – и с песней. Она, как известно, нам строить и жить помогает...

– Согласно последним выкладкам ученых, – стараясь не торопиться, продолжил Сергей Ильич, – запасов угля на Курильских островах примерно один миллиард шестьсот миллионов тонн. Ресурсы золота на островах оцениваются в 1867 тонн, серебра – в 9284 тонны, титана – в 39,7 миллиона тонн, железа – в 273 миллиона тонн. На Итурупе ежегодный вынос с газами редкого металла рения, который дороже золота, составляет 36 тонн, что соответствует его годовому мировому потреблению...

Чем всегда Сергей Ильич гордился, так это своей памятью. Особенно на цифры. Страницами мог молотить наизусть и ни разу не сбиться. Вот и сейчас он все перечислил исключительно по памяти и без единой запинки. И можно было не сомневаться, что он не ошибся ни в одном пункте.

Ибука слушал молча, не делая ни единого движения. Опытный игрок, он без труда догадался, к чему издалека подбирается гость, и теперь лишь ждал, какое будет заключение у этого неожиданного доклада.

– Оценочная стоимость полезных ископаемых Курильских островов – пятьдесят миллиардов долларов, – все тем же тоном невозмутимого докладчика сказал Сергей Ильич. – Но при этом надо помнить, что одни лишь Южные Курилы способны давать ежегодно до одного миллиарда долларов «рыбных» доходов. А при разумном хозяйствовании эта цифра может вырасти в несколько раз. А уж чего стоит природа островов – на это и цены нет. Жадные до диковинки туристы способны без преувеличения озолотить страну, владеющую такой красотой...

Сергей Ильич замолчал, решив, что пора дать Ибуке возможность переварить сказанное. Если он все просчитал верно, то проницательный Ибука уже без подсказок разгадал ход его мыслей.

– Очень интересные цифры, – сказал через минуту хозяин.

Голос его звучал ровно и дружелюбно. У Сергея Ильича отлегло от сердца. Но как проклятый азиат поведет себя дальше?

Ибука молчал долго. Сергей Ильич почувствовал, как по его спине поползли холодные змейки пота. Надо что-то сказать? Но что? Потребовать без обиняков двадцать миллионов фунтов? Это слишком грубо для японцев, ставящих этикет превыше всего. Могут и осерчать. Но если Ибука как ни в чем не бывало вернется к началу разговора, не реагируя на более чем понятный намек? Тогда как? Забыть об этой теме, будто ее и не было? Или все же потребовать напрямую? Черт, как же с ними тяжело...

– Я тоже хочу уточнить кое-какую цифру, – наконец произнес Ибука.

Сергей Ильич затаил дух.

– Двадцать пять миллионов фунтов стерлингов, – прикрыв веки, четко выговорил господин Ибука.

Получилось!

Сергей Ильич едва сдержал вопль восторга. Это было даже больше, чем он хотел запросить. Ибука-сан в полной мере оценил его деликатность. Гость ни словом не обмолвился о своих претензиях, что позволило хозяину сохранить лицо при выборе нелегкого решения. Возникла приятная для обоих иллюзия, будто предложение о двадцати пяти миллионах существовало изначально и господин Ибука лишь сообразовал озвучить его. Все произошло истинно в японском духе, к тому же дело решилось положительно, с чем Сергей Ильич от души себя поздравил. Все-таки кое-чему он научился за время работы в Думе.

«Двадцать пять миллионов фунтов! – вдруг вспыхнула и завертелась калейдоскопом в голове фантастическая сумма. – Двадцать пять миллионов! МОИ двадцать пять миллионов...»

– Вам нравится такая цифра? – уточнил на всякий случай господин Ибука.

– Вполне, Ибука-сан, – ласковенько улыбнувшись – под статью Ибуке, – кивнул Сергей Ильич.

Он очень гордился собой.

– Тогда поговорим о моем дзере?

– Завтра же я свяжусь с начальником ФПС по Сахалинской области, – деловито и несколько небрежно заговорил Сергей Ильич. – Он мой хороший знакомый и не откажется выполнить одну мою небольшую просьбу. Думаю, что после этого пограничники перестанут беспокоить ваших людей.

– Думаете ири уверены? – холодно переспросил господин Ибука.

Сергей Ильич прикусил язык. Деньги он выторговал, и деньги немалые. И не стоит обольщаться той легкости, с которой они ему достаются. Раз гонорар увеличился в два с половиной раза, то и ответственность увеличивается ровно на столько же. А раз так, изволь отрабатывать по полной программе. Тут отговорки не пройдут.

– Уверен, Ибука-сан, – поправился Сергей Ильич. – На этот счет у вас не должно быть никаких сомнений.

– Хорошо, – важно кивнул Ибука. – Тогда нужно звонить вашему другу. Вот терефон.

Он достал из складок своего кимоно маленький мобильник-«раскладушку» и положил на стол перед Сергеем Ильичом.

– В смысле... – растерялся тот. – Вы хотите, чтоб я звонил прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас.

– Но... – замялся Сергей Ильич. – Неудобно. Лучше это сделать утром...

– Там уже утро, – возразил Ибука.

– Ах да... – спохватился Сергей Ильич. – Верно, там уже утро... Я как-то...

Он взял мобильник, покосился на ждущего Ибуку.

Честно говоря, звонить прямо сейчас Сергей Ильич был не готов. Думал, завтра, в своем офисе, не спеша во всем разобраться, помозговать, позвонить нужным людям, проконсультироваться, а уж после выходить на генерала Стрельникова...

Но, видно, Ибука просто так с него не слезет. Вон, пялится недовольно своими щелками. Того и гляди, достанет катану, японский меч, и срубит голову к такой-то матери. Вот тебе и вежливые японцы. Взяли его, как быка, за рога и без всяких там обвиняков суют башкой в ярмо. И артачиться не будешь, чего уже теперь артачиться-то, купленному с потрохами?

– Я думаю, вы помните терефон вашего друга без записной книжки? – спросил Ибука. – У вас такая прекрасная память на цифры.

– Да, – вяло пробормотал Сергей Ильич. – Помню...

– Хорошо. Тогда я выйду на нескорько минут, сдераю распоряжение на кухне.

Ибука легко поднялся и, бесшумно ступая ногами в толстых носках по циновкам, вышел из комнаты. Дверь за ним мягко задвинулась.

«Ага, выйдешь ты, – недобро подумал Сергей Ильич, оставшись один в голой, как мертвецкая, комнате. – А сам будешь за стенкой слушать каждое мое слово. Старый козел. Телефончик припас... Видно, здорово их там прижало. Надо было тридцать требовать. Дали бы и не пикнули. А то и все пятьдесят! Или... Намекнуть, что в случае чего я могу сдать все их „предприятие“ на корню – дали бы и сто...»

За стеной что-то стукнуло. Сергей Ильич испуганно вздрогнул. Эх его занесло... Хорошо, хоть вслух последние слова не сказал. Саке это дурацкое, мозги от него плавятся. За такие мысли можно нешутейно головы лишиться. Японцы слишком много поставили на карту и не захотят лишиться уже достигнутого. Так что поздно дергаться. Дело сделано, назад дороги нет. Надо звонить. Они ждут и не поймут, если сейчас он будет колебаться или вилять.

Сергей Ильич раскрыл мобильник и набрал личный номер телефона генерала Стрельникова. Господин Ибука был прав, он действительно помнил все номера нужных телефонов наизусть.

– Слушаю вас, – послышался после второго гудка корректный баритон генерал-майора Стрельникова.

– Как поживаете, Сергей Петрович? – с приветливой улыбкой спросил Демидов.

– Да ничего, Сергей Ильич, живем помаленьку, – сразу узнал его Стрельников. – А вы какими судьбами вспомнили о нашем богом забытом крае?

– Ну уж приbedняться, Сергей Петрович, – возразил Демидов. – Кто это вас забывает? Помним, помним, и днем и ночью помним...

– Рад это слышать, Сергей Ильич. Что там новенького слышать в столице-матушке?

– Да пока ничего особенного. Все больше по мелочам.

– Мелочи-то и интересны, Сергей Ильич!

– Вот-вот, Сергей Петрович.

Демидов немного помолчал, концентрируя внимание собеседника на том, что он собирался сказать. Трубка под рукой стала влажной. Плохой знак. Нельзя волноваться при таком ответственном разговоре. Можно все испортить одной неверной интонацией.

Сергей Ильич неслышно вдохнул, выдохнул. Ничего, все нормально. Обычная ситуация, бывало и похуже. Если бы не sake... Ладно. Собрались и работаем.

– Тут мне друзья, Сергей Петрович, из японского посольства жалуются, – несколько лениво, как о пустяке, не стоящем внимания, начал Сергей Ильич.

– Любопытно, на что же? – отозвался Стрельников в той же вальяжной манере.

Но по едва заметному напряжению в его голосе Сергей Ильич понял, что генерал сразу просек, о чем пойдет речь. Что ж, поиграем.

– А помните, они послали на Кунашир научную экспедицию? Ну, разыскивать какой-то свой затонувший во Вторую мировую войну корабль?

– Как не помнить, Сергей Ильич? Я же сам ставил свою подпись на разрешении.

– Вот видите, Сергей Петрович. Разрешение дали, а работать мешаем.

– Как так мешаем? – слишком уж нарочито удивился Стрельников. – Кто?

– Да вот, пограничники ваши. Ходят кругами вокруг бедных японцев, пугают излишней бдительностью. Те нервничают, уже готовы все работы свернуть... Нехорошо, Сергей Петрович. Люди вбухали деньги в эту экспедицию, получили официальное разрешение, все чин по чину, а им – палки в колеса. Служба, конечно, службой, но надо же и меру знать. Как вы считаете, Сергей Петрович?

– Вообще-то мы сейчас пасем всех, кто находится на нашей территории, – сказал Стрельников после некоторого раздумья. – Недавно очередной приказ вышел: все посторонние объекты должны быть подвергнуты самому пристальному вниманию... Приказ доведен до личного состава, а те и рады стараться. Так что от меня здесь мало что зависит. Приказ исходит из Кремля, а что я перед Кремлем? Мелкая сошка...

Сергей Ильич был знаком со Стрельниковым с той поры, как возглавил комитет, занимающийся проблемой Курильских островов. По роду служебной деятельности им не раз приходилось контактировать и в официальной обстановке, и в неофициальной, что дало возможность присмотреться друг к другу и установить известную степень доверия при решении тех или иных проблем.

Генерал Стрельников был сравнительно молод, умен и страшно честолюбив. Назначение на Сахалин он в глубине души считал чем-то сродни ссылке, но виду не показывал и служил рьяно, надеясь рано или поздно – лучше, конечно, рано – добиться перевода в более приближенные к столице места, а лучше уж – в саму столицу.

Демидов об этом его желании если и не знал, то без труда догадывался, ибо все генералы жаждут оказаться в Москве, ввиду высочайшего внимания сильных мира сего. Пока Стрельников это свое желание вслух не высказывал – как-то не было подходящей возможности. Просьбы к нему были сравнительно мелкими, и он соответственно довольствовался мелкой мздой.

Но вот, кажется, пришла пора платить по самым большим счетам. Разрешение на подводные поиски для японцев Сергей Ильич пробил через своих московских знакомых, без содействия Стрельникова. Тот лишь поставил свою ничего не решающую подпись по звонку сверху. В результате ему ничего не досталось, хотя он не мог не понимать, что все заинтересованные лица получили солидный бакшиш за свои хлопоты. И, наверное, решил возместить упущенное.

Скорее всего, думал Демидов, он сам и организовал плотную опеку японцев. Знал, что они задержаются, находясь под колпаком, и попросят своих московских покровителей утихомирить пограничников.

Так оно и вышло. Расчет был прост, но эффективен. Теперь Стрельников был хозяином положения. И мог требовать чего угодно.

Деньги его интересовали мало. Вернее, интересовали, но во вторую очередь. На взятках от браконьеров и контрабандистов он и так процветал. В первую же очередь он жаждал перевода с постылого острова на материк, и желательно в Москву. И на меньшее ни за что не согласится. Это Демидов почувствовал сразу.

Вот и крутись теперь, Сергей Ильич, как хочешь, чтобы и тем угодить, и этим, и самому на тюремных нарах не оказаться, тьфу-тьфу-тьфу...

Ну да ладно, где наша не пропадала? Не на таких орлов управу находили. Как-нибудь справимся и с этим, тем более что орел-то – прикормленный.

– Так уж ли мелкая сошка, Сергей Петрович? – мягко возразил Демидов. – Да под вашей рукой без малого целая армия ходит.

– Ходит-то ходит, да что толку? Что я могу *здесь*, если все решается *там*?

– Ну, Сергей Петрович, не вечно же вы *там* будете?

– А, бросьте, Сергей Ильич. Три года сиднем в этой дыре сижу, еще пять просижу, а там и спишут в отставку за ненадобностью.

– Ну что вы, Сергей Петрович. Таких людей просто так в отставку не списывают. Такие люди *здесь* нужны... – Демидов сделал многозначительную паузу. Стрельников молча ждал продолжения. – Я слышал, недавно освободилась вакансия в Главном управлении стратегических задач. Требуется начальник аналитического отдела по Дальнему Востоку. Я думаю, ваша кандидатура идеально подходит на эту должность.

– Может, кандидатура и подходит, а возьмут кого другого, кто поближе, – сварливо возразил Стрельников.

– Ну зачем же вы так? Я уже разговаривал с Николаем Константиновичем. Рекомендовал вас на эту должность.

– И что? Как он? – осторожно спросил Стрельников.

Демидов улыбнулся про себя. Готов генерал, сожрал наживку, вместе с грузилом и поплавком, и не подавился. Такого и подсекать не надо.

– Положительно. Он хорошо вас знает, работой вашей доволен и ничего не имеет против того, чтобы видеть вас на этой должности.

– Это... – Стрельников вдруг захрипел и вслед за тем закашлялся, прочищая горло. – Это так и есть, Сергей Ильич?

– Ну конечно, Сергей Петрович. Осталось согласовать вашу кандидатуру с Анатолием Михайловичем, и можете считать себя столичным жителем.

– Угу... Угу... – промычал Стрельников. – Понятно. Новости, прямо скажу, обнадеживающие. Я даже не ожидал, Сергей Ильич... Приятно удивлен...

– Рад, что сумел угодить вам, Сергей Петрович, – скромно отозвался Демидов.

– Скажите, – забеспокоился Стрельников, – а Анатолий Михайлович не станет возражать?

– Я думаю, возражать ему нет никаких резонов. Вы человек достойный, надежный, перспективный. Конечно, надо будет с ним встретиться с глазу на глаз, поговорить, рассказать о вас подробнее...

Сергей Ильич слышал, что Стрельников на том конце трубки затаил дыхание.

– Вы понимаете меня, Сергей Петрович?

– Да, Сергей Ильич, отлично понимаю, – отчеканил Стрельников. – Можете передать японским друзьям, что с сегодняшнего дня их яхту и лагерь на берегу будут обходить за версту. Они будут словно накрыты шапкой-невидимкой для моих людей. Пусть ищут, чего им там надобно, без всяких опасений.

– Прекрасно, Сергей Петрович, обязательно передам. Особенно насчет шапки-невидимки. Нашим японским друзьям это очень понравится. Только вы уж не тяните с приказом, добро?

– У меня же не Генштаб, – засмеялся с довольными нотками в голосе Стрельников. – Я сказал, а через пять минут все сделали... Прямо сейчас и распоряджусь. Зачем терять драгоценное время?

– С вами приятно иметь дело, Сергей Петрович.

– Но и вы уж там обо мне не забывайте, Сергей Ильич. Я, конечно, вас не тороплю, но... Вы понимаете меня?

– Все отлично понимаю и сделаю все, что могу. И даже больше. Всего хорошего, Сергей Петрович. Очень рад был вас слышать.

– До свидания, Сергей Ильич. Я рад не менее вашего.

«Ну, еще бы», – подумал Демидов, давая отбой.

Он положил телефон на столик, придал лицу спокойное выражение. Надо думать, Ибука-сан уже знает результаты разговора. Линия Стрельникова была надежно защищена от прослушивания. Но Сергей Ильич был уверен, что за стеной комнаты установлены мощные микрофоны, позволявшие слышать и записывать все, что говорилось по соседству.

Через пару минут раздвинулись двери, в комнату вошел Ибука-сан, бесшумно отпустился на свое место.

– Как ваш сахаринский друг? – спросил он.

Сергей Ильич кратко пересказал весь разговор. Ибука-сан слушал молча, изредка кивая в знак одобрения.

– Мы знари, что можем на вас надеяться, – сказал он, когда Сергей Ильич замолчал.

– Всегда к вашим услугам, – церемонно склонил голову Демидов.

Господин Ибука тоже с важностью поклонился ему.

Больше всего Сергею Ильичу хотелось сейчас выпить рюмку холодной водки, но он был вынужден соблюдать все эти китайские... э-э... японские церемонии, чтобы не обидеть, не дай бог, своего благодетеля. Кажется, на этот раз он угодил ему как нельзя лучше. Впрочем, это пока неизвестно, теперь дело за Стрельниковым. Но там проблем быть не должно, генерал, почуяв верный шанс, своего не упустит. Так что пока все о'кей...

– Вы не против, Сергей-сан, чтобы посидеть здесь еще немного? – спросил хозяин.

– Почему нет? – пожал плечами Демидов. – Время не позднее, спать ложиться рановато...

Ибука-сан улыбнулся и едва слышно хлопнул в ладоши. В комнату вошли давешние девушки, внесли кувшинчик с sake и все остальное. Пирушка набрала силу и пошла по

новой. Сергей Ильич расслабился после успешно выполненного задания и пил на радостях за двоих, компенсируя качество количеством.

Через час он уже нагрузился до такой степени, что хватал гейш за широкие рукава-крылья и просил спеть «Есть на Волге утес». И, самое интересное, они пели, чисто выводя мелодию высокими, нежными голосами. Сергей Ильич, прослезившись, громко им подпевал и требовал, чтобы ему дали гармошку...

Потом его вели куда-то две девушки-прислужницы, поощрительно хихикая, когда он хватал их за мягкие места. Через минуту они пришли в одну из комнат, где на полу были расстелены широкие матрасы, а по углам стыдливо горели китайские фонарики.

Сергей Ильич, не отпуская девушек, повалился с ними на матрас. Они, смеясь, помогли ему освободиться от кимоно. Затем быстро разделись сами и прилегли с двух сторон, касаясь его большого тела ласковыми, гибкими руками. Вот одна из них села на него верхом, изогнулась и с тихим стоном начала насаживаться на вздыбленный член. Вторая девушка умело помогала ей. Сергей Ильич, тиская их то за бедра, то за упругие груди, мычал от острого наслаждения.

Что ни говори, а Ибука-сан был очень гостеприимным хозяином.

12 октября, 22.15, Южно-Сахалинск

В ресторане «Старая гавань» гремела музыка, пьяные кавалеры, расхватывая девиц, бешено выплясывали на танцевальном пятачке, официантки бегали от столика к столику, торопясь удовлетворить запросы разгулявшихся посетителей.

Роман Морозов сидел за столиком у дальней стены. Столик был рассчитан на двоих, но пока Роман пребывал в гордом одиночестве. Он находился в этом милом заведении, где вовсю гуляла пьяная матросня, уже добрый час, но пока так и не обрел компаньона или, правильнее сказать, компаньонку.

Нет, местные проститутки заметили его тут же и назойливо, как и принято в их общительной профессии, принялись клеить его на предмет незатейливой и недорогой любви. Но Роман, не увидя среди этой вульгарной орды ни одной свежей и по-настоящему симпатичной мордашки, все развратные поползновения сурово отклонил – и остался один-одинешенек. Ибо в это заведение приличные женщины не ходили, а те, что явились сюда в компании веселых гуляк, не очень-то отличались по внешнему виду и поведению от профессионалок.

Сегодня был последний день пребывания Романа на Сахалине. Он находился на острове уже шесть дней, и, надо признаться, тот успел основательно ему надоесть. И за каким лешим, спрашивается, сюда понесло Антона Палыча? Ну, ладно, Антон Палыч, светлый человек, выполнял гуманитарную миссию, у него был долг совести и что-то там еще в этом роде. Но ему-то, Роману Морозову, зачем понадобилось переться к черту на кулички?

А во всем виновата глупая сентиментальность. Побывав по заданию Родины в одной жаркой во всех отношениях ближневосточной стране, он решил отдохнуть от южной экзотики и посвятить законный двухнедельный отпуск знакомству с дальними уголками Российской, так сказать, Федерации. Думал махнуть на Байкал или, скажем, на Камчатку... Стыдно сказать, но к своим тридцати семи он дальше Урала не забирался, а ведь Урал – это только полстраны. Когда-то же надо посетить и другую «пол»! Вот он и решил, что самое время. Не знал только, куда именно направить стопы, целый день голову ломал, весь атлас истребал, прикидывая и так, и сяк...

А тут песенка как раз подвернулась на «Ретрорадио». Душевная такая песенка, правильная.

Ну что тебе сказать про Сахалин?
На острове нормальная погода.
Прибой мою тельняшку просолил,
И я сижу у самого восхода.
А почта с пересадками летит с материка,
До самой дальней гавани Союза,
И я швыряю камешки с крутого бережка,
Далекого пролива Лаперуза...

Умели при Советском Союзе песенки хорошие сочинять, что ни говори. Романа хоть от некоторых воспоминаний о советской жизни и мутило – ну, там комсомол гребаный, поголовное якобы равенство, запрет литературы и тому подобная шелуха, – но было ведь и то, что любил он беззаветно. Юность, к примеру, свою золотую, школьно-студенческую, друзей детства, военные подвиги великого народа, чистоту ранних московских улиц... Вот, грешным делом, ретроволну теперь слушал и порой разве что не таял от песенок Эдуарда Хилия и Эдиты Пьехи, Анны Герман и молодой, нечеловечески талантливой Аллы Пугачевой.

Вот и эта песенка про Сахалин, спетая неизвестным исполнителем, обладающим тем не менее дивным баритончиком, была чудо как хороша.

И так вдруг Романа пробрало – до самого нутра. Какие слова! *Прибой, материк, дальняя гавань, пролив Лаперуза...* Романтика несусветная. Показалось, что зря на свете живет, раз не видел всей этой красоты. Е-мое, пролив Лаперуза! Где это, что это? На карте, конечно, мог показать уверенно, но ведь что такое карта? Пятнышко голубого цвета, и только. А ведь там столько всего, в этом самом проливе! Как это вообще прожить в России, считать себя ее гражданином и патриотом – и своими глазами не повидать ПРОЛИВ ЛАПЕРУЗА?

В общем, выбор был сделан без колебаний, и уже на следующий день Роман летел на Сахалин, предвкушая массу туристических удовольствий.

Но, как выяснилось очень быстро, человек всего лишь предполагает – и предполагает крайне наивно. Остров не то чтобы жестоко разочаровал, но как-то все в одночасье вернул на круги своя. Встретил холодной моросью и отвратительной гостиницей. Никто на шею мечтательному путешественнику не бросился.

Туристический сервис носил зародышевый характер, причем зародыш этот и не думал развиваться. Были организованы полеты на тряском вертолете, желающие могли совершить на свой страх и риск пеший тур, но и только. Ни тебе легендарных достопримечательностей, ни теплых домиков, ни острых ощущений...

Но Роман, которого, как и всякого русского человека, трудно было удивить плохим сервисом, особенно в глубинке, решил первому впечатлению не поддаваться и провести время со всей для себя пользой. Зря, что ли, летел через всю страну. Хотел повидать «самую дальнюю гавань Союза»? Изволь, смотри, раз уж пожаловал, другого такого случая не представится (в чем Роман себе в первый же день клятвенно поклялся).

Поэтому он подавил побуждение сесть на обратный рейс и добросовестно принялся изучать все имеющиеся достопримечательности.

Первым делом побывал в сахалинском музее, где с большим вниманием прослушал от экскурсовода все, что касалось пребывания на острове Антона Палыча Чехова и знаменитого капитана Невельского, первым открывшего, что Сахалин – это все-таки остров, а отнюдь не полуостров, как считалось до него. Осмотрел также Роман и музейные экспонаты, обнаружив, между прочим, что добрая половина из них липовая. Но говорить об этом экскурсоводу, милейшей старушке, конечно, не стал, ибо не имел ни малейшего желания вносить диссонанс в ее тихую жизнь.

А дальше все пошло по порядку. После музея Роман не поленился, ночь почти не спал и хоть и высунув язык, но все же влез на самую высокую сопку – встречал рассвет «у самого восхода». Красота и в самом деле необыкновенная – куда ни глянь, во все стороны волнами расходятся вершины сопок, далеко внизу – темная громада океана, вверху – бескрайнее небо, и все это ярко освещается малиновым краем солнца, медленно выплывающим из-за горизонта; да все испортил налетевший с северо-востока дождь, в полчаса задернувший небо серыми тучами и морозящей влагой.

Вообще влаги здесь было в избытке. Туманы и дожди сменяли друг друга так часто, что недолгие солнечные часы становились сущим благом. Холодно, правда, не было, климат здесь считался относительно мягким, но во время дождя хотелось залезть в теплое помещение и подольше из него не вылезать.

Однако Роман следовал намеченной программе и в уныние не впадал. Еще каких-то две недели назад он едва не погиб в пустыне от жары и жажды. Поэтому столь обильное количество влаги надо было воспринимать как своего рода компенсацию за мучения, которым он подвергался.

А потому, осмотрев близлежащие окрестности, он на достигнутом не остановился и мужественно записался в группку туристов-энтузиастов, собиравшихся облететь остров на вертолете.

Облет занял три дня. Чего только Роман за эти три дня не повидал! Это на карте Сахалин – узкая полоска суши, почти незаметная на фоне громадных материков. А на самом деле остров протянулся больше чем на тысячу километров с севера на юг и природных красот имел поболее, чем Франция и Англия, вместе взятые.

В первый день группа, в состав которой помимо Романа входили трое пожилых университетских ученых, престарелый писатель-натуралист и дородная сорокалетняя дама по имени Валентина Викентьевна, посетила северную часть Сахалина.

Они пролетали над величавой горной грядой, чьи зубчатые цепи могли вполне потягаться со средними Пиренеями или Альпами. Валентина Викентьевна, прильнувшая к иллюминатору, увидела, что макушка одной из вершин курится довольно густым дымом, и подняла крик на весь вертолет, решив, что начинается извержение вулкана. И тогда лишь успокоилась, когда ученые мужи заверили ее, что ближайшее извержение может произойти лет через сто, не раньше.

Валентина Викентьевна насилу позволила себя успокоить, несколько ядовито при этом поглядывая на Романа, который, в отличие от сердобольных ученых, не торопился уверять бедную женщину в том, что ей не грозит немедленная и ужасная гибель.

После гор обозревали светлохвойные леса, мало чем отличавшиеся от сибирской тайги. Вертолет сел возле одной из многочисленных рек. В это время года по рекам степной шел тихоокеанский лосось, отчего вода буквально вскипала на глазах восхищенных туристов. Валентина Викентьевна визжала, как девочка, и все норовила выхватить из воды руками скользкую тушку лосося. Ей это так и не удалось, но восторгов не убавилось. Да и все остальные были довольны, ибо первозданная природа, окружавшая реку – бурлящая прозрачная вода, усеянный гладким гольшом берег, изумрудные полянки, стоявший на утесах былинный лес и синеющие над ним величественные вершины, – внушала невольное благоговение даже скептически настроенному горожанину.

Проводник, коренной житель-полукровка не то корейского, не то китайского происхождения, провел туристов на полтора километра вверх по реке, и они, засев в густом кустарнике, увидели самых настоящих медведей, охотящихся на лосося. Это было до того необычайное зрелище, что солидные мужчины почувствовали себя так, будто очутились в гостях у сказки – или во временах «раннего неолита», как выразился один из ученых.

Медведи, нагуливая жир к зимним холодам, собрались группой в несколько особей возле удобного для рыбалки мелководья и азартно гонялись за идущим на нерест лососем, поднимая тучи брызг и рыча от усердия. Выхватив длинной пастью увесистую рыбку из воды, медведь, отбиваясь от собратьев, норовивших отнять у него добычу, выбирался на берег, отряхивался и тут же предавался торопливому обжорству. Спустя несколько минут, оставив от лосося лишь голову и хребет, он снова бросался в реку.

На берегу жадные до дармовщины вороны, сороки и прочая пернатая живность помельче мгновенно расхватывали все, что оставалось после медведей. Пир шел горой, и никому дела не было до кучки туристов, засевших в кустах неподалеку.

Валентина Викентьевна все рвалась поближе к медведям – хотела погладить лохматого увальня-медвежонка, – но ее убедили, что при мамаше-медведице лучше этого не делать, да и медвежонок был далеко не так безобиден, как ей казалось.

Когда дело пошло к вечеру, туристы вернулись к вертолету, который через сорок минут доставил их на некое подобие туристической базы (две кривобокие низенькие избушки, уборная в близлежащих кустах и бочка с дождевой водой вместо душа).

Впрочем, путешественники были переполнены впечатлениями сверх меры и так устали, что, наскоро поев каких-то консервов из банки, не стали ждать обещанной ухи из лосося и попадали кто куда на деревянные нары, – можно было ручаться, что столь крепко они не спали уже много лет.

На следующий день они посетили остров Тюлений. Этот небольшой скалистый островок длиной всего-то в семьсот метров был знаменит своими лежбищами морских котиков. Вертолет едва сумел найти пятачок для посадки. Вдоль всего побережья чернели плотные колонии котиков. По словам проводника, их было здесь примерно восемьдесят тысяч. Сейчас как раз шел период размножения и выкармливания детенышей, поэтому туристы попали, что называется, в пик сезона.

Помимо котиков, Тюлений обильно населяли морские птицы. Самую крупную гнездовую колонию образовывали здесь кайры. Этими довольно крупными птицами были заселены почти все скалы острова, и кайры суматошно металась вдоль крутых каменных стен, отыскивая свои гнезда.

Гвалт стоял неописуемый. Котики, которые вовсю занимались охотой, любовью, выяснением отношений, родами и выкармливанием уже родившегося потомства, кричали на все голоса – очень, кстати сказать, пронзительные голоса.

Птицы тучами носились в воздухе и шумели так, что порой заглушали котиков. Этот клочок каменистой суши, омываемый со всех сторон морскими волнами, казался воплощением самой жизни, настолько напористо и многогласно она здесь о себе заявляла.

Путешественники провели на острове едва ли не целый день, разглядывая гнездовья птиц и лежбища котиков. Особенно умиляли всех детеныши – большеглазые беспомощные крошки, звавшие своих медлительных мамаш тоненькими жалобными голосами.

Валентина Викентьевна все же погладила одного из них, из-за чего потом едва спаслась бегством от ринувшегося за ней самца, ревностно опекавшего свой гарем, состоявший из двух десятков самок.

Больше всего Валентину Викентьевну заинтересовали сцены спаривания котиков, которые проходили, надо сказать, весьма чувственно и даже красиво.

Самец, чуть ли не вдвое превышавший размерами самку, неторопливо, со знанием дела обнюхивал партнершу, какое-то время они нежно терлись друг о друга, после чего самец взбирался на самку, нижние части их тел туго соприкасались и начинали волнообразно, ритмично двигаться вверх-вниз... Во время оргазма они оба издавали протяжный стон – и в этот момент рот Валентины Викентьевны сам собой приоткрывался и толстошеекое, румяное лицо ее принимало какое-то зачарованное выражение. Она переходила от одной группы котиков к другой – и без усталости наблюдала за процессом спаривания, уже не обращая внимания на пищавших под ногами малышей. При этом она попыталась взять себе в сопровождающие Романа, но он от сей почетной обязанности увильнул, оставив в компанию Валентине Викентьевне почтенного седобородого профессора.

Тот тайных помыслов своей спутницы не понял и принялся подробно объяснять ей тонкости семейных отношений, существующих в колониях морских котиков (славных представителей ушастых тюленей) и других ластоногих, обитающих на многочисленных островах Сахалинской области. Лекция наверняка выдалась занимательной, но Валентина Викентьевна жаждала чего-то другого и возвращалась из поездки сильно разочарованная.

На третий день путешественники совершили облет южных областей острова.

Здесь тоже было на что посмотреть. Между сопок раскинулись густые девственные леса из ели и пихты. Их сменяли буйные заросли высокотравья в долинных пойменных лугах. На морских заливах восхищенные туристы увидели несметные стаи лебедей. Казалось, земля была устлана белым пуховым одеялом. Затем снова пошли гористые участки,

леса, луга, массовые скопления разнообразных птиц внизу – и вот наконец Роман своими глазами увидел пролив Лаперуза.

Здесь была запланирована посадка с коротким пикником, и Роман наконец получил возможность своими глазами увидеть то, к чему так стремился.

Пролив ожиданий не подвел: волны с грохотом бились о высокий каменистый берег, ветер налетал вместе с морскими брызгами и норовил плеснуть грязноватой пеной в лицо. Одним словом – лепота. Погода была относительно ясной, и на той стороне пролива виднелись горные вершины острова Хоккайдо – японской территории. Здесь проходил оживленный морской путь, и в проливе находилось множество судов, идущих большей частью к берегам Японии.

На этом Роман счел свое знакомление с Сахалином законченным. Его спутники приглашали совершить вместе с ними трехдневный поход в какую-то долину, где лежало необыкновенно красивое вулканическое озеро. Но Роман вежливо отказался, как ни умоляла его подвыпившая и расхрабрившаяся Валентина Викентьевна (она, как выяснилось, работала бухгалтером в налоговой инспекции Владивостока и на Сахалин прилетела, чтобы расширить свой кругозор).

Все, что Роман видел, ему, в принципе, понравилось. Но он не был настолько туристом, чтобы, закинув рюкзак на спину, бесконечно куда-то идти и думать, что в этом и состоит радость жизни. Такой отдых был точно не для него. Будь там комфортный охотничий домик со всеми удобствами, хорошая кухня, надежный транспорт и привлекательная попутчица – тогда еще можно было бы попутешествовать. Но тащиться пехом за сто верст, кормить злобных комаров, спать в сырой палатке, есть жуткое варево из общего котла, а вместо привлекательной попутчицы лицезреть необъятные телеса Валентины Викентьевны – нет уж, от эдакого удовольствия избавьте. Хорошенького понемножку. Все, что хотел повидать, повидал, и на этом – мерси и адые, славный остров Сахалин.

На седьмой день, проспав в гостиничном номере до обеда, Роман ближе к вечеру отправился гулять по Южно-Сахалинску. Отлет на материк был намечен на завтрашнее утро, но у Романа оставались в запасе еще полдня и ночь, которые он намеревался посвятить знакомству с прекрасной сахалинчанкой, или как они здесь назывались.

Но то ли день выдался неудачный, то ли женское население города было слишком малочисленным, но Роману так и не удалось свести тесное знакомство с местной жительницей.

Это оказалось невозможным из-за того, что выбора-то практически не было. Либо малолетки-школьницы, либо суровые домохозяйки, либо проститутки. Видимо, все девушки, достигая совершеннолетия, во все лопатки удирали отсюда на Большую землю. Понять их было нетрудно. Скудность жизни на острове была прямо пропорциональна его природным богатствам, и хорошо себя здесь чувствовали лишь неприхотливые, как судовые крысы, моряки да полууголовный сброд, наживающий состояния на незаконной продаже краба и рыбы Японии.

Тщетные поиски прекрасной незнакомки привели Романа в ресторан «Старая гавань». Он прельстился романтическим названием и решил, что в этом заведении он отыщет себе избранницу именно того типа, который наиболее отвечал его запросам, а именно: красивую (это само собой), умную, загадочную и страстную. Требования, конечно, были ничего себе, но ведь и он не пальцем был сделан. Как-никак столичный парень, да к тому же и не очень бедный. Хотелось провести незабываемый во всех отношениях вечер, а для этого требовался и контингент соответствующий.

Но ничего такого в «Старой гавани» и близко не значилось. А то, что значилось, годилось разве что на отправление естественных половых надобностей. Последнее, конечно, было немаловажно, ибо Роман за минувшую неделю изрядно проголодался и даже на грязноватых путан смотрел не без скрытого вождления. Но связываться с ними он не хотел

принципиально даже по этой уважительной причине, а потому решил потерпеть сутки и уже по прибытии в Москву оторваться по полной программе с проверенными и чистоплотными кадрами из элитного клуба, членом которого он имел честь состоять.

Потому, досидев до половины одиннадцатого, он заплатил за выпитый коньяк и бутерброд с икрой и с облегчением вышел на свежий воздух, порядком смешав планы сильно рассчитывающих на него сутенеров.

Вечерок был неплохой. Легкий бриз, ясное небо, звезды, выпуклая половинка луны... Так бы и пройтись сейчас с какой-нибудь славной девчушкой, старательно вешая ей лапшу на уши и прикрывая ее озябшие плечи горячей мужской ладонью.

Мечты, конечно, пошловатые и для солидного дяди, коим Роман Евгеньевич виделся со стороны, мягко говоря, несерьезные. Ну так ведь для того и существуют подобные поездки, чтобы ненавязчиво окунуться в лопоухую юность и позволить себе то, что уже сто лет не позволял.

Но, увы, «девчушки» не нашлось, мечта разбилась в прах, и Роман, выйдя из ресторана, решительно направился к гостинице, уже ни о чем другом не думая, кроме как о завтрашнем комфортабельном кресле аэрофлотского лайнера.

«У меня в запасе останется еще три дня, – размышлял он. – Это не так уж много, но и не мало. Можно снять евродачку в дальнем Подмоскowie и закатиться туда с хорошей компанией. Можно засесть в казино и на какое-то время слиться с космосом. Можно впасть в детство и устроить себе отдых в стиле аквапарк – зоопарк – мороженое. Можно просто поваляться на диване с хорошей книгой в руках. Или любовницей. Телевизор, чипсы, пиво... В общем, вариантов – выше крыши. От скуки я не умру, точно. Доберемся до дома, а там решим, чему отдать предпочтение».

До гостиницы было ходу не больше километра. Роман, покуривая, прошел уже большую часть пути, ничего примечательного по дороге не обнаружив, как вдруг какая-то возня в темной подворотне привлекла его внимание.

Возня сопровождалась невнятными и сердитыми восклицаниями.

– Ну чего ж ты такая упрямая, дура? – подойдя ближе, услышал Роман чей-то хриплый мужской голос.

Голос был очень нетрезв и агрессивен.

– А я вам говорю, оставьте меня в покое, – прозвенел возмущением женский голосок.

– Да пойдем со мной, – настаивал все тот же нетрезвый мужской голос. – Я тебе такие чудеса покажу, обалдеешь, я тебе говорю...

– Немедленно отпустите меня!

– Да ты че, не понимаешь? Ты думаешь, я капусты пожалею? Да ты купаться в ней будешь...

– Да брось ты ее, Колян, пошли... – вмешался третий голос, тоже мужской и тоже нетрезвый. Хотя алкоголя в нем было граммов на пятьсот меньше, чем в первом. – Мало тебе телок на причале? Только свистни – сотня набежит. Пошли, брось ты ее...

– погоди, Леха! Ты че, не понимаешь, в натуре? Я на нее запал... Сча все будет путем!

Роман стоял в трех шагах от беседующих и видел картинку вполне отчетливо, несмотря на классическую темень, царившую в подворотне.

Два амбала, плечистые, рукастые, щекастые, зажали в угол девушку. Из-за их бугристых спин Роман не имел возможности разглядеть пленницу. Видел только блестящие белки глаз и острую челку над ними. Но и того, что он видел, ему хватило, чтобы понять, насколько остро она нуждается в помощи.

Предварительные выводы он сделал мгновенно. Парни явно корабельного происхождения. Матросы-работяги. Поддали от души и жаждут продолжения банкета. Тому, которого звали Коляном, по какой-то труднообъяснимой причине понравилась девушка. И похоже,

понравилась крепко. И хотя его чуть более трезвый друг Леха вполне разумно предлагал оставить строптивицу и двинуться на поиски более сговорчивых подружек, Колян, как он сам выразился, «запал» и во что бы то ни стало хотел добиться взаимности от объекта своей бычьей страсти.

Объект же, как показал лексический и интонационный анализ его слов, упорно не желал следовать за Коляном вопреки обещанной им щедрости и желанию показать какие-то «чудеса». Следовательно, объект никак не мог принадлежать к контингенту ночных бабочек, ибо не в привычках последних отказываться от подарков и манкировать своими прямыми обязанностями в самое что ни на есть рабочее время.

Более того, объект производил впечатление интеллигентной девушки, попавшей в лапы хулиганов, – и эта романтическая ситуация приятно взволновала Романа, уже не чаявшего дожидаться чего-то подобного.

Оставалось непонятным одно: что делает интеллигентная девушка одна в этот поздний час на улице, полной неожиданностей?

Но этот вопрос Роман решил выяснить чуть позже. А пока было самое время вмешаться, поскольку Колян, потеряв терпение, ухватил свою жертву за талию и уже куда-то волок, не обращая внимания на ее слабое, хоть и ожесточенное, сопротивление.

– Вам помощь не требуется, господа? – спросил Роман, тронув пальцем Коляна за каменное плечо.

– Чего-о? – тяжело оборачиваясь и не выпуская добычи, проревел тот.

– Помощь, говорю, может, нужна? – стоя перед ним неподвижно, повторил Роман.

– Да ты кто такой, твою мать?! – рявкнул Колян, убедившись на всякий случай, что это не наряд милиции и не группа серьезных ребят, приятелей девушки.

– Слышь, м-мужик, иди-ка ты куда шел, – предложил, заикаясь, более миролюбивый Леха.

– Я готов принять ваше предложение, – согласился Роман. – Но только при одном условии: вы отпускаете девушку, извиняетесь и быстренько ретируетесь в любом удобном для вас направлении.

– Чего?! – снова заревел Колян, уже более внимательно взглядывая на незнакомца.

Перед ним стоял стройный мужчина средних лет, худошавый, гладко выбритый, щегольски причесанный, в куртке из лакированной тонкой кожи, в белоснежной сорочке, в тщательно выглаженных брюках – одним словом, самый что ни на есть мажор. Такие типы действовали на Колянов и им подобных примерно так же, как кошки действуют на собак. И реакция Коляна, несколько приторможенная алкоголем, начала наконец проявляться в полном соответствии с природой.

– Вали отсюда, козел! – придерживая девушку за кисть своей лапищей, развернул он широкую грудь на Романа. – А то я тебя в асфальт закатаю.

– В самом деле, не связывайтесь с ними, – подала наконец голос девушка. – Вы же видите, какие они...

– Но не могу же я вас оставить одну в этой сложной ситуации, – возразил Роман. – Ведь, насколько я понял, вам с ними не по пути...

– Да я сама как-нибудь справлюсь, – самоотверженно заявила девушка, тщетно пытаясь выдрать тонкую кисть из намертво зажатого «краба» Коляна.

– Сомневаюсь, сударыня.

– Че тут за базары такие?! – возмутился потерявший терпение Колян.

Ему стало обидно. Вроде он тут главный и самый крутой, а эти двое щебечут, как будто его и рядом нет. Это уж было слишком.

– А ну вали отсюда! – рявкнул Колян. – Я тебе говорю, ты, урод!

Он наставил толстенный указательный палец левой руки на Романа, для устрашения оттопырив и все остальные. Зря он это сделал, зря...

Одним легким движением Роман перехватил мизинец и легонько его заломил. Так, чтобы и не сломать совсем, но чтобы и боль была чувствительной даже для сильно пьяного человека.

– Ё-о!.. – охнул Колян и от неожиданности выпустил пленницу.

Девушка отскочила на пару шагов, но поле битвы не покинула. Потирая кисть, она с интересом принялась наблюдать, чем закончится неравная схватка. А может, хотела помочь Роману. Все-таки полтора на два – это лучше, чем двое против одного.

– Говорил же, давайте по-хорошему, – скучно заметил Роман, жестко придерживая мизинец.

– Пусти, падла! – выдохнул Колян, убедившись, что освободиться от захвата не получится.

– Только при том условии, что ты не будешь махать руками, – сказал Роман. – Обещаешь вести себя хорошо?

Он все еще надеялся, что ему не придется пускать в ход свое умение отключать людей. Все-таки парни ничего сверхплохого не сделали. Ну, пристали к девушке по пьяной лавочке – с кем не бывает? И если бы они проявили благоразумие, Роман не стал бы украшать улицу парой безобразно лежащих тел.

Неизвестно, как повел бы себя дальше Колян, до которого что-то медленно начало доходить, если бы в дело не вмешался Леха. Огромный парняга килограммов под сто двадцать весом, он не успевал в силу темперамента и отуманенного алкоголем мозга уследить за диалогом и сменой событий. Но тут его словно прорвало, и он решительно полез отбивать друга от супостата.

– Ах ты, х-хад! – выдохнул Леха.

При этом он богатырски развернулся и по широкой, как взмах косы, траектории пустил свой громадный кулак в Романа, намереваясь пришибить его на месте, аки клопа поганого.

Девушка прижала руки к щекам и пискнула от ужаса. Угроза и в самом деле была нешуточной. Таким ударом можно было запросто свалить быка, не то что тощего на вид Романа.

Но Роман не стал принимать летящую в него кувалду. Была б охота изображать из себя монумент Героя! Он лишь отступил в сторону и одновременно резко поддернул на себя заломленный мизинец Коляна.

Колян, хрюкнув от боли, подогнул колени и непроизвольно сделал шаг вперед.

И в этом миг кулачище Лехи впечатался ему аккурат в самый лоб.

Звук был такой, будто сшиблись два грузовика. Затем Колян медленно отделился от земли, взлетел в воздух и рухнул на спину. Дабы не мешать полету, Роман его мизинец великодушно отпустил.

Леха взвыл от боли, расшибив кулак о гранитный лоб Коляна, и какое-то время никак не мог понять, что произошло. Мотая рукой, он одурело смотрел то на Романа, который вопреки ожиданию почему-то стоял на месте, то на бездыханное тело приятеля.

– Сука... – наконец неуверенно сказал он.

Было непонятно, кому адресовалось это слово. То ли Роману, то ли себе, то ли ситуации в целом, вышедшей, так сказать, из-под контроля.

– Так мы пойдем, а, Леша? – спросил Роман невинным голосом.

– Ага, – кивнул тот, опускаясь на колени возле Коляна.

– Коля-а, – осторожно тронул он его, – ты живой?

Колян слабо и жалобно, как сонный ребенок, пробормотал что-то в ответ.

– Че с ним, а? – тупо спросил Леха у Романа.

Казалось, он начисто обеспамятел от случившегося.

– Решил поспать, – сказал Роман. – Ты ему не мешай, он скоро проснется, и вы вместе пойдете домой.

– Ага... – послушно мотнул головой Леха, усаживаясь на асфальт.

Подумав, он снял куртку и подложил ее под голову друга. При этом он машинально встряхивал разбитой рукой, с отрывистым сипением втягивая воздух.

– Пойдемте? – предложил Роман молчавшей девушке.

– А ему помощь не нужна? – спросила она, указывая на вяло шевелящегося Коляна.

– Если только похмельная, – улыбнулся Роман.

– Нет, правда... Может, «Скорую» вызвать?

Роман с интересом посмотрел на спасенную пленницу.

Кто поймет душу русской женщины? Ведь только что пьяный негодяй тащил ее куда-то с целями, далеко не благородными. И если бы не героическое вмешательство отважного незнакомца, кто знает, как бы события развивались дальше. Но незнакомец подоспел вовремя, и вот уже подлый обидчик повержен, и честь дамы спасена. И что же дама? Вместо того чтобы гордо удалиться, пнув напоследок наглеца под ребра, она проявляет к нему голубиное сострадание и уже готова, судя по выражению лица, оказать ему первую помощь, не исключая дыхания рот в рот.

А как быть Роману Евгеньевичу? Поменяться ролями с Коляном и силком утаскивать ее прочь? Или приступить к немедленному откачиванию раненого, чтобы заслужить ее благосклонный взор?

– Я вас уверяю, что «Скорая» ему не нужна, – серьезно сказал Роман. – Минут десять полежит, встанет и пойдет дальше. Это я вам говорю, как специалист...

Как бы в подтверждение его слов Колян приподнял голову и разразился отборными матюгами, причем исключительно в адрес девушки.

Роман вопросительно посмотрел на нее:

– Теперь вы мне верите?

– Верю, – содрогнувшись, кивнула она.

– Пойдемте?

Она зябко запахнулась, сложила под грудью руки и, ничего не говоря, направилась вниз по улице. При этом она молча покосилась на Романа, но ничего не сказала.

Однако Роман, ничтоже сумняшеся, расценил ее взгляд как приглашение следовать за собой и, ободряюще кивнув Лехе, двинулся вслед за девушкой. Заодно он придирчиво осмотрел ее сзади (осмотр спереди уже состоялся и его вполне удовлетворил) и нашел, что у Коляна недурной вкус.

Ей было лет двадцать пять, не больше. Роста – чуть выше среднего, сложена, как гимнастка. Одеты в узкие потертые джинсы и джинсовую курточку, светлые волосы на затылке небрежно собраны в пышный хвост. Лицо довольно простое, правда, губы красивые, полные, да еще челка эта над темными полосками бровей... Ничего, в общем, особенного, обычная девушка из метро. По сравнению с некоторыми московскими знакомицами Романа – провинциальная простушка.

Но был в ней, как говаривал Митя Карамазов, какой-то «изгиб», который мгновенно пробудил *что-то такое* в душе Романа и без раздумий заставил его пойти, если не сказать – побежать, за ней следом. Понятно же было, что девица с теми еще мухами в голове и ничего «такого» Роману сегодня не обломится. Но вот вызвала же она у него интерес – да еще какой! Он поймал себя на мысли, что очень хочет дотронуться до нее.

– Вы позволите проводить вас до дома? – спросил Роман, догнав ее через несколько шагов.

– Если хотите, – равнодушно сказала она.

Хоть и не юн был далеко Роман Евгеньевич Морозов, и в вопросах пола весьма многоопытен, это равнодушие несколько задело его. Экие мы, оказывается, с характером. Даже спасибо не сказали. Спасай вас, таких, после этого...

Хотя, если подумать, помощи она у него не просила, более того, даже предлагала не вмешиваться. Так что, по большому счету, никто никому ничего не должен.

Но все-таки интересно, что она делала ночью на улице? Или – неприятно кольнуло Романа – все же профессионалка? Просто способ охоты у нее такой. Завлекалочка, так сказать, с выдумкой. Оделась простенько, как студентка, ни грамма косметики. И сама из себя вся такая правильная, неприступная... А бедра высокие, так и ходят туда-сюда, а грудь хоть и не арбузная, но выпуклая, подходящая на все вкусы, а губы сладкие, манящие... Кто на такую не клюнет?

– Наверное, вы считаете меня неблагодарной, – вдруг сказала она. – Извините, это оттого, что я сильно испугалась. Плохо соображаю...

– Ну что вы! – возразил Роман. – Я все понимаю и не жду от вас никакой благодарности. Это я должен благодарить случай за то, что он дал мне возможность вступить за столь очаровательную девушку.

Она как-то странно на него посмотрела, но ничего не ответила. Похоже, она просто не поняла его витиеватый комплимент. Роман понял, что девушке и в самом деле нехорошо.

«Если только это не игра, – напомнил он себе. – Колян сорвался, так почему бы не зацепить меня?»

– Простите за нескромность, – сказал Роман, решив, что самое время прояснить щекотливый вопрос. – Но что вы делали так поздно на улице одна? Вы же наверняка понимали, что это небезопасно...

– Понимала, – улыбнулась девушка, чуть замедляя шаг. – Но задержалась на работе, и вот...

– Ага, – кивнул Роман. – Все ясно. Усердие в работе ни к чему хорошему не приводит.

– Это точно, – рассмеялась она.

– Меня зовут Роман. А вас? – воспользовавшись удобным моментом, спросил он.

– Наташа, – глянув на него более внимательно, сказала она.

– Вы очень торопитесь, Наташа?

– В общем-то, да... Мне утром рано вставать.

– Может, вы позволите угостить ваш чашечкой кофе?

– Я правда тороплюсь, – неуверенно сказала она.

– Знаете, после того, что произошло, вы все равно быстро уснуть не сможете. Поэтому вам просто необходимо немного отвлечься и прийти в себя.

– Ну хорошо, – сдалась она. – Только недолго...

– В четверть часа управимся, – заверил ее Роман. – Вот только... я не знаю, где именно здесь можно попить кофе, не опасаясь соседства дурной компании.

– Мне показалось, вы не очень-то кого-либо опасаетесь, – с легкой улыбкой заметила Наташа.

– Я – нет, – согласился Роман. – Но для вас еще один эксцесс – это слишком.

– Здесь неподалеку есть один подвальчик, – сказала Наташа. – Там не бывает посторонних и очень уютно.

– Хотелось бы в этом убедиться воочию.

– Что ж, идемте.

Они свернули в переулок, совсем тихий и темный, вышли на другую улицу, прошли немного вперед, и Роман увидел мигающую ярко-красным цветом надпись: «Встреча».

– Хорошее название, – сказал он не без намека.

Наташа молча спустилась по ступенькам. Роман последовал за ней.

За дверью оказалось небольшое помещение на четыре круглых столика. Три из них были заняты посетителями полуинтеллигентного вида. Еще два человека, парень и девушка, одетые а-ля хиппи, сидели за стойкой. Играла тихая приятная музыка. Посетители, потягивая кофе или пиво, разговаривали вполголоса, стараясь не мешать соседям.

Наташа кивнула какому-то знакомому и, не чинясь, присела за свободный столик. Роман, который уже понял, что «развод» ему не грозит, устроился напротив. К ним поспешил официант.

– Что будете заказывать?

Наташа попросила кофе со сливками, Роман заказал себе обычный черный кофе и пол-ложечки сахара. Через пару минут заказ был на столе.

– Вы позволите? – спросил Роман, доставая сигареты и зажигалку.

– Пожалуйста, – махнула рукой Наташа. – Все равно здесь все кругом курят.

– А вы не курите?

– Курю, – улыбнулась Наташа, с явным удовольствием отхлебнув кофе. – Но редко. Только когда выпью...

– Это намек?

– Никаких намеков, – покачала она головой. – Мы же с вами условились – четверть часа.

– Все, помню, – поднял руки Роман.

Он курил и некоторое время незаметно наблюдал за Наташей. Она медленно и сосредоточенно прихлебывала крошечными глотками кофе, как сильно уставший человек. Было видно, что ее снедают заботы. Она не смотрела по сторонам, не стремилась поддерживать разговор. Просто сидела и пила кофе, как равный с равным. Роману стало интересно, какими же мыслями полнится ее светловолосая, на вид вполне легкомысленная головка. Впрочем, взгляд у нее был пристальный и задумчивый, что говорило о привычке полагаться на себя и делать свою жизнь своими руками. Наташа нравилась ему все больше, и он прилежно искал вариант, позволивший бы ему если не напроситься к ней на ночлег, то хотя бы найти повод для завтрашней встречи. О своем отлете в Москву он пока призабыл, настолько его заинтересовала эта девушка.

И даже не посмотрит на него. Не спросит, кто он, откуда. Он в самом деле ей настолько безразличен? Или она так поглощена своими делами, что ей просто не до него? Что за дела такие? Видать, серьезные. Оп-па, уже покосилась на часы. Можно не сомневаться, что сейчас допьет кофе, встанет и решительно направится домой. И как ее удержать, скажите на милость? Времени оставалось совсем немного.

– Какая же неотложная работа задержала вас так поздно, позвольте полюбопытствовать? – спросил Роман, делая первый разведывательный шаг.

– Документация, – ответила Наташа. – Нужно было перед отъездом все подчистить, чтобы потом хвостов не оставалось. Я что-то завозилась и не заметила, что уже ночь на дворе... Дальше вы знаете.

– Да... – кивнул Роман, думая о своем. – Так вы завтра уезжаете?

– Вернее сказать, улетаю.

– Куда далеко, если не секрет?

– На Кунашир, – коротко ответила Наташа.

– Это... – осторожно сказал Роман, чтобы не попасть впросак. – Остров, если я не ошибаюсь?

– Остров, – кивнула Наташа.

– Один из тех, на которые претендует Япония? – уже увереннее уточнил Роман.

– Да, один из тех, – вздохнула она, отодвигая пустую чашечку.

– Еще одну? – с надеждой спросил Роман.

Она отрицательно покачала головой и снова покосилась на часы. Проклятие!

– А что вы будете делать на Кунашире? – стараясь не суетиться, спросил Роман.

Сейчас он имел право, как спаситель, на некоторую спекуляцию со временем и без зазрения совести решил этим правом воспользоваться. Девушка, которая ему понравилась, – очень интересная девушка и очень понравилась! – бесповоротно и навсегда оставляла его на обочине своей жизни. Примириться с таким положением вещей без борьбы Роман не мог. И характер был не тот, и профессионализм, как-никак, обязывал.

– Повезу продукты и оборудование на станцию, – скучно ответила Наташа.

Словоохотливостью она не отличалась. Но Роман не унывал и надежды достучаться до ее души не оставлял.

– Вы занимаетесь наукой? – наугад спросил он.

– Ну, это громко сказано, – улыбнулась она. – Но некоторое отношение к научным изысканиям я имею.

– А кем вы работаете?

– Вообще я работаю при Институте охраны окружающей среды. Младший научный сотрудник.

– А-а... – уважительно протянул Роман, разрабатывая в уме план атаки. – А на Кунашире – ваши коллеги, которым вы повезете продукты?

– Именно так, – подтвердила Наташа.

– Как я вам завидую! – выдохнул Роман, стараясь, чтобы его глаза загорелись искренним восхищением. – Вот это – настоящая жизнь. Не то что у меня.

– А что у вас? – проявила хоть какой-то интерес к его скромной персоне Наташа.

Спросила она, конечно, больше из вежливости, но хоть на часы перестала коситься – и то хорошо.

– Да, – махнул рукой Роман. – Офисы, совещания, документы, договоры, переговоры... Одним словом, скука несусветная.

– Это уже два слова, – усмехнулась Наташа.

– Вот и я о том же, – подхватил Роман, не сдавая позиций. – Я ведь не местный, из Москвы.

– Я так примерно и поняла.

– Вот, решил в кои-то веки не поддаваться стадным порывам и вместо заграничных островов слетать на Сахалин. Посмотреть своими глазами, где находится пролив Лаперуза, остров Тюлений, вообще природу здешнюю увидеть...

– Увидели? – заинтересованно спросила Наташа.

– Увидел.

– Ну, и как впечатления?

– Ну! – Роман совершенно искренне закатил глаза. – Фантастика. Красота такая – будто на другую планету попал. Хоть я видел далеко не все, но впечатлений хватит на всю жизнь.

– А что бы вы сказали, побывав на Кунашире! – мечтательно сказала Наташа. – Вот там действительно – космос, самый настоящий.

– Да что вы говорите?! – огорчился Роман. – Ведь я уже собрался улетать. А самого главного, получается, так и не увидел... Ведь, насколько я помню, туристических маршрутов туда не пролегает?

– Нет, – покачала она головой. – Не пролегает.

– Ну вот! – сокрушенно воскликнул Роман. – И что же делать?! Ах, как досадно.

Он как бы в расстройстве взял из пачки сигарету, закурил. Наташа озадаченно смотрела на него.

«Как бы это теперь ненавязчиво попроситься с ней на этот остров? – соображал Роман. – Спросить напрямую? Можно спугнуть. Действовать тонкими намеками? Ей явно

не до намеков. Да и времени нет. Эх, упущу девчонку... Жалко, такая встреча. Что же придумать?»

– А хотите, полетели со мной? – вдруг неожиданно сказала Наташа.

– А можно?! – искренне обрадовался Роман.

«Все-таки предложила, – мелькнуло в голове. – Значит, я ей не совсем безразличен».

– В принципе, почему нет? – пожала она плечами. – Если вас не укачивает в вертолете и если вы запасетесь на двое суток продуктами, я могу взять вас с собой в качестве помощника.

– Меня не укачивает, и я запасусь, – немедленно заверил ее Роман, еще не веря в удачу. – Более того, я могу оплатить некоторые ваши расходы.

– Ну, это ни к чему, – поморщилась Наташа. – У нас вполне приличное финансирование.

– Простите, не хотел вас обидеть.

– Ничего, я не обиделась.

– А помощник из меня хоть куда, – торопливо вставил Роман.

– Будем надеяться, – снисходительно кивнула Наташа. – Значит, договоримся так: завтра в семь утра на аэродроме в Петровском. Только одна просьба: не опаздывать. Ждать не будем.

– Ни в коем случае. А где этот аэродром?

– Любой таксист привезет вас туда. Езды от центра города не более получаса.

– Понял.

– Тогда пойдемте. Надо хоть немного поспать.

– Пойдемте.

Роман расплатился и вслед за Наташей вышел из «Встречи».

Ночь ласково пахнула на него теплым запахом моря, звезды весело перемигивались над головой.

«Ну вот, нашел приключение на свою задницу, – подумал он. – С чем себя и поздравляю».

– Вы далеко живете? – спросил он Наташу.

– Вон мой дом, – указала она на одну из ближних высоток. – Спасибо вам за кофе и вообще за все.

– Ну что вы, Наташа, – остановил он ее. – Я так рад знакомству с вами, что...

Он замолчал, как бы не в силах найти нужные слова.

– Я тоже, Роман, – улыбнулась она.

Они обменялись долгими взглядами, и Роман едва удержался, чтобы не обнять и не поцеловать ее. Но делать он этого не стал, ибо уже понял, что действовать надо исключительно в обход. Немного терпения – и все образуется как нельзя лучше.

– До завтра, – сказала Наташа.

– До завтра, – кивнул Роман.

Она махнула рукой и легкой походкой направилась в сторону своего дома.

Роман следил за ней, пока она не скрылась в темноте. Потом повернулся и резвым строевым шагом двинулся к своей гостинице, испытывая приятное волнение.

Итак, завтра он встречается с Наташей и летит с ней на Кунашир. Как мило! Настоящее романтическое свидание – именно то, о чем грезилось целый день. Девушка умна, красива и загадочна, лучшего и желать нельзя. Сердце ее свободно, иначе она не стала бы брать Романа с собой. Кто там ждет ее на Кунашире? Пара-тройка бородачей, с которыми ее связывают чисто товарищеские отношения? Таких ничего, кроме консервов и науки, не интересуется. Надо думать, запасная палатка у них найдется.

Не забыть предупредить портъе, чтобы разбудил в шесть, а то ведь она точно ждать не будет. Характер у девушки тот еще. Роман, войдя в гостиницу, не только предупредил

портъе, но и сунул ему сотню, чтобы уж наверняка. Нет, красавица, я от тебя просто так не отстану, не надейся.

Оказавшись в номере, он быстренько собрал нужные вещи, чтобы утром не тратить время, и лег в постель. Шел второй час ночи, не мешало малость поспать перед дальней дорогой.

«А все-таки, кто кого на самом деле „снял“?» – подумал Роман, уже засыпая.

Но он решил на этой мысли не застревать, ибо правды все равно не найти.

13 октября, 6.30, Сахалин

Роман ехал в такси, битой, обшарпанной «Мазде» с правосторонним управлением, и зевал во весь рот. Ночное происшествие и поздний кофе перебили ему сон, он спал не более трех часов. И теперь, трясясь по ужасной дороге в ужасной машине, он проклинал себя на чем свет стоит и раскаивался в затеянном предприятии.

Ну на самом деле, чего он на том острове не видел? Тот же скучный каменистый берег, что и везде, те же холодные океанские просторы, те же глупые, крикливые птицы и тот же ветер с дождем. Радоваться, прямо скажем, нечему.

Девчонка понравилась? Так это оттого, что попала под соответствующее настроение, и только. А сегодня, скорее всего, может оказаться, что и разговаривать с ней не о чем. Что в ней такого особенного? Да ничего. Типичная серая мышь, зануда-отличница. Небось сейчас как начнет грузить своей «природой», уши завянут слушать. Надо было так вляпаться? Любви ему захотелось. Ну и взял бы проститутку в ресторане, из числа тех, что подороже и посвежее, попользовался часок-другой в свое удовольствие и мирно завалился спать до обеда. А вечером – на самолетик и домой, к большим и светлым радостям цивилизации. Все равно от этой взбалмошной дамочки любви не дождешься, а и дождешься, так поневоле задашь себе сакраментальный вопрос: а стоила ли овчинка выделки?

Роман закурил, с неудовольствием отметив, как дробно и болезненно участился при этом пульс. Тэк-с, пора бросать курить, тем более с утра пораньше, тем более натошак.

– Далеко еще? – спросил он таксиста, пожилого щуплого мужичка, зевавшего почище его самого.

– Скоро будем, – прохрипел тот гортанью курильщика от рождения.

– Дороги тут у вас не ахти, – сказал Роман, желая хоть чем-то развлечь дорожную скуку.

– А где они ахти-то? – ухмыльнулся таксист.

Роман пожал плечами, не найдя достойного ответа на этот непростой, исконно русский вопрос.

– Ну вот то-то и оно-то, – удовлетворенно кивнул таксист. – Ты каких краев будешь?

– Московских.

– Столичный, значит?

– Ага.

– Сюда чего-т занесло?

– Турист я.

– А-а... Ну понятно. Экзотики захотелось?

– Вроде того.

– Смотри, парень, опасно тут у нас, – покосившись на Романа, сказал вдруг таксист.

– Серьезно? – перестав зевать, спросил Роман.

– Серьезней некуда.

– А в чем опасность-то?

– Да много в чем, – уклончиво пожал тот плечами. – Поживешь, сам все увидишь.

– Ты-то живешь и, кажется, ничего, – заметил Роман, – целый пока.

– Оно-то так, – согласился таксист. – Токо я ведь тутошний. Все знаю, все расклады понимаю, куда не надо, не лезу, с кем не надо, не связываюсь.

– Ну так и я вроде не лезу и не связываюсь.

– Ну-ну... Сразу видать, что ты не местный.

Станный этот разговор закончился тем, что впереди, среди поросших дурнотравьем сопок, показалось большое открытое поле.

– Вот и аэродром твой, – сказал таксист. – Приехали.

Аэродром, обнесенный хлипким проволочным забором, представлял собой гравийную взлетную полосу, предназначенную для малой авиации. Сбоку сбились в кучу несколько разномастных домиков – диспетчерская служба и ремонтные мастерские.

Сеялся мелкий холодный дождь. Три самолетика (два «Яка» и один «Ан» – весь, надо полагать, местный авиапарк) уныло свесили под дождем мокрые лопасти, напоминая бездомных собак, изрядно потрепанных жизнью.

Чуть поодаль в доверительной близости друг к другу стояли транспортный вертолет «Ми-6» и небольшой грузовик с открытым задним бортом. Возле них оживленно двигались несколько человек, таскали под дождем какие-то коробки из грузовика в вертолет. Картина оптимизма не внушала.

Таксист по кочковатому полю не поехал, остановился сразу же за въездом на аэродром. До вертолета было метров двести. Роман, не торопясь вылезать, некоторое время смотрел на мокрую тушу вертолета.

– Лететь куда собираешься? – спросил таксист.

– Собираюсь...

– Далеко?

Роман неопределенно махнул рукой.

«Выходить, не выходить?» – думал он. – Лучше всего развернуться и уехать назад. Никто меня лететь на край света в этой развалюхе не заставляет, стало быть, я волен поступать так, как мне захочется. Ну, прокатился с утра пораньше за город, посмотрел еще на одну местную „достопримечательность“ – и остановимся на этом. А то ведь такси сейчас уедет, и черт его знает, на чем потом добираться обратно».

Заметнее всех у вертолета была девичья фигурка в яркой красной курточке. Несмотря на то что видимость сильно затруднялась тусклой пеленой дождя, Роман без труда определил, что курточка принадлежит Наташе. Она помогала носить коробки, стараясь наравне с мужчинами. Складная ее фигурка так и мелькала туда-сюда. Видно было, что девушка не привыкла терять времени даром.

«Улетит ведь без меня и даже не вспомнит, – подумал Роман. – А хотелось бы, чтобы вспомнила».

Он сунул таксисту деньги, подхватил рюкзак с заднего сиденья и решительно открыл дверцу.

– Тебе это надо? – спросил таксист, от которого не укрылись колебания седока.

– Хоть убей, не знаю, – пожал плечами Роман. – Но все-таки скорее да, чем нет.

– Ну, тогда доброго пути.

– И тебе того же.

Таксист махнул рукой, развернулся и погнал свой рыдван обратно.

Роман забросил рюкзак на плечо и неторопливо двинулся к вертолету. Дождь часто моросил по плечам и по верху пятнистого кепи. Подымая ноги повыше, чтобы не вымочить в высокой траве заправленные в ботинки брюки, Роман шел по полю, поглядывая на «Ми-6».

Погрузка уже закончилась. Водитель грузовика закрыл задний борт своей машины и вместе с грузчиком залез в кабину. Роман на ходу покосился на часы. Без пяти семь. Наташа не шутила насчет того, что ждать не будут. Еще немного – и вертолет подымет в небо. Этот мелкий дождик ему не помеха, главное, чтобы не было сильного ветра.

– Доброе утро, – подойдя к Наташе, сказал Роман, широко ей улыбаясь.

Он не мог не улыбаться, потому что выглядела она, несмотря на омерзительную погоду, очень здорово. Короткая красная курточка в талию, кожаная кепка-бейсболка с выпущенным сзади хвостом волос, черные брючки в обтяжку, шнурованные ботинки-турист... И лицо свежее, яркое, чернобровое, а зеленые глазищи горят как изумруды. А губы... М-м, так бы и съел ее всю, вместе с ботинками и кепкой. Нет, что бы там ни было, а в эту авантюру

он ввязался не напрасно. Такая девушка стоила каких угодно жертв. Теперь, при свете дня, Роман убедился в этом.

– Доброе, – без улыбки отозвалась Наташа. – Честно говоря, я не думала, что вы приедете.

– Честно говоря, я тоже, – не подумав, брякнул Роман.

– Зачем же приехали?

В ответ на ее довольно резкий вопрос Роман лишь неопределенно пожал плечами. Ну что ей, прямо сейчас признаваться в любви? Пожалуй, не поймет.

Наташа смерила его насмешливым взглядом:

– Вы как будто на охоту собрались. А где же ружье? В карман спрятали?

Роман для своих путешествий по Сахалину купил в охотничьем магазине полный камуфляжный костюм, включающий бриджи, жилет и куртку, в котором и в самом деле было очень удобно и надежно лазать по лесам и вертолетам. Но у Наташи он почему-то вызвал приступ раздражения. Было похоже, что она злиться на себя за свое опрометчивое решение пригласить незнакомого человека в поездку и не знает, на чем сорвать злость.

– Да нет, – растерянно сказал Роман, не ожидавший, что его встретят столь неприязненно. – Просто не было ничего другого...

– Ладно, – смилостивилась она. – Через две минуты мы вылетаем. Полезайте в вертолет. Только не в задний отсек! Там находится груз. Вон в ту дверь, пожалуйста. И устраивайтесь в любом кресле.

Роман кивнул и полез в вертолет. Хорошо, что Наташа при этом не видела мелькнувшей на его лице улыбки, иначе ее гнев не имел бы границ.

«Какие мы, оказывается, злючки-колючки, – думал Роман, садясь в одно из кресел возле иллюминатора. – Ну что ж, первое свидание вышло хоть куда. Хорошо, хоть не покусала. А ведь ждала меня, ждала-а... Вон принарядилась как, не то что вчера вечером. Для кого, спрашивается? Для кунаширских бородачей? Вряд ли. Решила показать московскому гостю, что и они тут не лыком шиты, могут выглядеть не хуже Лары Крофт. Ну, согласен, ничуть не хуже. Даже лучше. Но говорить об этом ради нашей же безопасности мы поостережемся. Больно злы вы с утра, сударыня. Может, со временем пойдете, тогда и скажем все, что полагается».

В вертолет, исподлобья глянув на Романа, забралась Наташа, устроилась в противоположном кресле. Кроме них, в салоне никого больше не было. Из кабины вышел второй пилот, проверил, хорошо ли Наташа закрыла за собой дверь. Равнодушно скользнув взглядом по Роману, исчез за переборкой.

– Долго лететь? – спросил Роман у своей попутчицы, угрюмо косившейся сквозь иллюминатор на дождевую завесу.

– Два часа, – не глядя на него, сказала она.

Роман понял, что мило пощebetать девушка не настроена. К тому же вертолет оглушительно завыл турбинами и забился крупной дрожью, как бульдозер на мерзлом поле. Тут бы и хотел поговорить, да не смог. Разве что орать во весь голос.

Вертолет напрягся и медленно отделился от земли. Поднявшись, он плавно развернулся в направлении востока, наклонил нос и через несколько минут на приличной скорости уже несся над мокрыми сопками и полянами.

Теперь турбины гудели ровно и умиротворяюще. Самое время вздремнуть. Внизу один черт ничего не различить, все серо-буро-зеленое, попутчица упорно молчит – чем еще заняться в дороге? Тем более что ночь выдалась не самая спокойная.

Роман сел поудобнее, сложил руки на груди, несколько раз глубоко вздохнул и вскоре уснул, как младенец, которого везут в коляске по тихому скверу.

Проснулся он от запаха кофе. Потянувшись, украдкой глянул на свою попутчицу.

Та как раз осторожно наливала кофе из термоса в пластиковую кружку.

– Хотите? – спросила она Романа с очаровательной улыбкой.

– Не откажусь, – ответил он, соображая, чем вызвана очередная перемена в ее настроении.

– Держите.

Она протянула ему кружку с дымящимся напитком. На миг их глаза встретились, и она снова улыбнулась ему. Чудеса, да и только. Полтора часа назад готова была стереть его с лица земли, а теперь – само обаяние.

Наверное, решил Роман, это перемена погоды столь благотворно на нее подействовала. За толстым стеклом иллюминатора сияли бирюзой слитые воедино небо и вода. До горизонта – ни облачка, лишь ослепительно горит отраженное от океанской глади солнце. Понятно, что это гораздо лучше, чем беспросветный дождь на унылой суше. Тут, высоко в небе, на несущемся в прозрачном воздухе вертолете, начинаешь ощущать себя свободно парящей птицей.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил Роман, принимая кружку.

– Хотите бутерброд? – спросила Наташа.

– Нет... – покачал головой Роман. – Благодарю. А вот если вы разрешите мне закурить, буду вам безмерно благодарен.

– Курите, – махнула рукой Наташа. – Что с вами сделаешь?

Роман немедленно закурил, пуская дым в сторону от нее и посматривая на красивейший морской пейзаж, проплывающий внизу. Вдруг вдаль показался какой-то крошечный островок и тут же пропал, точно растворился в океане.

– Что это за остров? – спросил он. – Не наш?

– Нет, что вы, – засмеялась Наташа, кинув взгляд вниз. – Наш вы сразу увидите. Пейте кофе, остынет.

Роман кивнул и отхлебнул кофе. Неплохо. Сварено именно так, как он любил, – густо, но без излишней крепости. Если она и готовит так же, как варит кофе, то кому-то очень повезет.

– Вкусно, – решил он на первый комплимент.

– Рада, что вам понравилось. Может, все-таки будете бутерброд?

Он отрицательно помотал головой, показывая дымящуюся в пальцах сигарету. Как ей объяснить, что сразу после сна он предпочитает курить, а не есть? Чего доброго, снова разозлится.

Но, видно, Наташа поняла и временно от него отстала. Прихлебывая свой кофе, она смотрела в иллюминатор, и мечтательная улыбка бродила по ее лицу.

– Вам здесь нравится? – спросил Роман.

– Очень.

– Вообще-то далеко от цивилизации, – заметил Роман, оглядывая безграничную водную пустыню.

– Вот это мне и нравится больше всего. Так здорово оказаться вдаль от городов, от людей, с их чадящими машинами, с ничтожными интересами, с мировоззрением, узким, как замочная скважина... А здесь – простор! И красота такая, какой нигде не найти.

– Да-а... – протянул Роман, не зная, что и сказать.

– Вы считаете, что я немного ненормальная? – смеясь, спросила Наташа.

– Нет, ну что вы... Я и в мыслях такого не держал...

– Держали, держали, – весело возразила она. – И в чем-то правы были. Меня мама давно так называет. Не может понять, что меня тянет «на край света». А я каждый раз, когда оказываюсь здесь, будто заново рождаюсь.

Глядя на ее вдохновенное лицо, Роман снова испытал то же томительное чувство, что и минувшей ночью. Так и хотелось схватить ее в объятия и прижаться ртом к этим пухлым пунцовым губам. Интересно, какой у них вкус? Наверное, земляники. Горьковато-сладкий вкус земляники...

Наташа внезапно перехватила его взгляд и замолчала, как будто начисто забыв, о чем она только что говорила.

Какое-то время они напряженно смотрели друг на друга. Зеленые глаза Наташи становились все ярче, все ближе, и Роман почувствовал, что его тянет к ней какой-то неодолимой силой. Похоже, такое же чувство испытывала и она...

Неизвестно, чем кончилась бы их молчаливая схватка, если бы вертолет резко не пошел вверх.

Наташа, очнувшись, глянула в иллюминатор.

– Вот и Кунашир, – сказала она.

Роман с усилием отвел от нее глаза и посмотрел вниз. Прямо на них стремительно надвигалась скалистая береговая линия.

Вертолет поднялся выше, пересекая остров поперек. Под ними теперь шел живописный горный ландшафт. Ярко освещенные солнцем, мелькали голубоватые зубцы скал и зеленые лесные массивы. Синими лентами бежали петлистые речки.

– Мы высадимся на восточном побережье, – сказала Наташа. – Там еще красивее.

Роман кивнул, готовый высаживаться где угодно. То, что происходило с ним, иначе, чем колдовством, нельзя было и назвать. И это колдовство ему очень нравилось.

Вдали слева, по другую сторону узкого пролива, виднелись высокие берега какого-то крупного острова.

– Это Япония, – увидев, куда смотрит Роман, сказала Наташа. – Остров Хоккайдо.

– Так близко? – поразился Роман.

– Удивлены?

– Есть немного.

– Это наши самые близкие соседи. Хотя чувствуют они себя здесь как хозяева.

– Они ведь и были когда-то хозяевами этих островов. Разве нет?

– Были, – подтвердила Наташа. – И не могут забыть об этом до сих пор.

– От своего кто просто так откажется?

– Оно уже давно не их, – запальчиво возразила Наташа. Роман понял, что попал на большую тему.

– А почему вас так это беспокоит?

– Вы – чужой и не понимаете всей сложности проблемы. Если бы вы жили здесь давно, мне не пришлось бы вам объяснять...

Роман вспомнил, что сегодня его уже второй раз упрекают в том, что он не местный. Можно подумать, он в этом виноват!

Вертолет, описывая большую дугу, пошел на снижение. Роман снова глянул в иллюминатор. Внизу берег резко обрывался, образуя узкую полоску суши между нависшими горами и простершимся до горизонта океаном. Теперь был точно край света. Дальше на тысячи миль шли пустынные океанские волны.

– Вот и прилетели! – сказала Наташа.

Через несколько минут вертолет твердо встал на колеса. Не дожидаясь, пока затихнут винты, Наташа открыла люк и тут же замахала кому-то рукой. Роман прильнул к иллюминатору – и чуть не рассмеялся.

Все было в точности, как он себе и представлял. Вертолет встречали два рослых плечистых молодца, до глаз заросшие бородой. Разница между ними была лишь в том, что один

был рыжебородый и в черном комбинезоне, другой – чернобородый и в комбинезоне синем. И чернобородый выглядел старше. В остальном же они казались близнецами.

Интересно, это все аборигены или сейчас появится еще десяток?

Наташа спрыгнула на землю и принялась обниматься со своими бородатыми приятелями. Роман, не без ревности следивший за ней, сразу понял, что ничего «такого» у нее ни с одним из бородачей нет. Чисто дружеские объятия. Коллеги, так сказать. Ну и ладно, ну и пускай себе тешатся.

Винты вертолета перестали гонять воздух, и Роман неторопливо выбрался наружу, не забыв надеть на лицо приветливую улыбку.

Бородачи при виде незнакомца недоуменно покосились на Наташу.

– Знакомьтесь, – спохватилась она. – Это мой... э-э... знакомый, Роман. Это, – жест в сторону рыжебородого, – Павел, это Александр.

– Саша, Паша и Наташа, – засмеялся рыжебородый, протягивая Роману широкую ладонь.

«Этот ничего, – решил Роман. – Веселый парень».

Александр тоже подал руку, внимательно заглянув Роману в глаза небольшими медвежьими глазками.

«А этот, похоже, имеет на Наташу виды. Что ж, имей, я не против. Но только после моего убытия».

Вышел второй пилот и сказал, чтобы поторопились с разгрузкой. Все четверо, включая Романа и Наташу, принялись вытаскивать ящики из вертолета. Больше никто не появился, из чего Роман заключил, что Павел и Александр живут здесь вдвоем. Тоже неплохо, меньше народу – больше кислороду. Хотя чего-чего, а кислорода здесь было в избытке.

Роман с Наташей подавали ящики из вертолета, а Павел и Александр составляли их на землю в некотором удалении от вертолета. Работа шла быстро, и Роман чувствовал удовлетворение от того, что оказался полезным. Все-таки Наташе легче будет оправдать его прилет. Хотя бы перед самой собой.

Через двадцать минут ящики со спецоборудованием и провизией были выгружены. Вертолет, не теряя ни минуты, раскрутил винты, едва не разбросав коробки, и быстро умчался прочь. Похоже, ему необходимо было навестить других отшельников.

Когда умолк шум винтов, наступила такая тишина, что с непривычки делалось немного не по себе. Легкий плеск волн и шум ветра лишь усиливали впечатление полнейшей изоляции. Где мы, что мы? Другая это планета или все та же шумная, пыльная, истоптанная вдоль и поперек матушка-Земля? Хотя, какая земля? Тут земли-то – клочок, остальное – вода, вода и вода.

– Ну что, нравится? – спросила Наташа, заметив выражение лица Романа.

– Не то слово!

– Я же вам говорила.

Александр и Павел тем временем принялись таскать ящики в сухую и удобную пещерку, расположенную в полутора сотнях метров от места посадки вертолета. Роман незамедлительно взялся им помогать.

Носить было неудобно, в гору, по острым камням, по кривой козьей тропке. Но место было выбрано умно, такому хранилищу никакой дождь и даже ураган не страшны. Оранжевая палатка-домик «Саши и Паши» стояла чуть дальше, хоронясь от северных ветров за высокими скалами. От «склада» до палатки – рукой подать. Ничего не скажешь, устроились ребята толково.

Ящики носили долго. Дорога в оба конца занимала много времени, приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не покалечиться на камнях. Ящики, не очень тяжелые при выгрузке из вертолета, становились весьма увесисты при подъеме их на гору. Наташа,

проявив благоразумие, умерила свою энергию и ящики в гору не носила, помогая лишь носильщикам составлять груз в пещере. В общем, через полтора часа, когда Роман занес последний ящик, все упарились изрядно. По окончании работы Павел от всей души пожал руку Роману в знак благодарности. Было за что. Мрачноватый Александр – и тот стал смотреть дружелюбнее. А уж как была довольна Наташа! Если до того совесть ее еще немного мучила, то теперь все сомнения исчезли сами собой. Роман идеально доказал свою нужность.

13 октября, 14.40, о-в Кунашир

Хозяева и гости сидели в большой, комфортабельной палатке вокруг складного походного стола и обедали чем бог послал. А послал он не так уж и мало: жареная рыба, крабы, консервированная ветчина, свежий хлеб, маринованные овощи, ананасы. Роман достал из сумки «алаверды»: поллитровую бутылку перцовки, чтобы как следует отметить приезд и знакомство. Наташа встретила появление бутылки равнодушно, Павел – с воодушевлением, Александр сдержанно. Но свою рюмку подставлял под разлив исправно.

– Стало быть, захотелось Кунашир посмотреть? – спросил Павел, когда бутылка опустела.

– Да... – кивнул Роман. – Наташа так расхваливала. Говорила, что краше места нет на земле. Я и напросился вместе с ней сюда.

Он украдкой покосился на Наташу. Его интерпретация событий несколько отличалась от истины. Но Наташа и ухом не повела, видимо, на самом деле считая, что он сам попросил взять его с собой. Один из феноменов женской памяти: забывать в свою пользу.

– Ну и правильно сделал! – воскликнул Павел. – Здесь такая красотища – закачаешься. Наташка тебе покажет. У нас-то тут не очень, место выбрано не для красоты, а для дела, сам понимаешь. Но вот если пройти чуть дальше, за скалы, к пещере, там такие виды – м-м...

– А вы давно здесь сидите?

– Что значит – сидим? – обиделся Павел. – Мы, дорогой товарищ москвич, не сидим, а работаем. Я – кстати говоря, океанолог, Александр Петрович – вулканолог. Кандидат наук, между прочим. А после этой экспедиции станет доктором, будьте уверены.

– Не говори гоп, – спокойно перебил его Александр.

Роман уже понял, что в этой связке он старший.

– Да ладно, Саня, чего ты? Мало ты по горам лазишь? У тебя материала – на две докторские. Да и я кое-что накопал. Наши старички в институте даже не подозревают о том, что здесь происходит...

– Ладно, Павел, кончай, – остановил своего приятеля Александр. – Вряд ли кого-нибудь интересуют наши институтские разборки.

– Ну, может быть... – согласился тот. – Кстати, Наташка, а как вы познакомились?

– Случайно, – ответила Наташа, до того скромно молчавшая на своем стуле.

– Какая-то романтическая история? – не отставал Павел. – Ну, расскажи, будь другом. А то мы с Саней немного одичали среди тюленей и крачек. Хотелось бы вспомнить, как живут люди в больших городах.

– Живут, как и раньше жили, – отрезала Наташа, которая перцовки не пила и до чувствительных разговоров была не охотница.

– Ну Наташа, не будь врединой, – не сдавался Павел, – ты же знаешь, я не отстану. Давай быстро колись: как вы познакомились?

– Да очень просто, – потеряла терпение Наташа. – Я шла поздно с работы, ко мне пристали пьяные хулиганы, а Роман любезно помог мне от них отделаться. Вот и вся романтическая история.

– Ах, как интересно! – воскликнул Павел. – Я сразу понял, что вы обрели друг друга при каких-то особых обстоятельствах. Наташка первого встречного сюда ни за что бы не потащила.

– Хотите пройтись, Роман? – спросила Наташа, видя, что Павел, захмелевший сильнее прочих, повел разговор в очень уж фривольном русле.

– Да они на «вы»! – завопил Павел. – Какая прелесть!

– Конечно, пойдёмте, – согласился Роман. – Я же приехал смотреть остров...

– А не водку пьянствовать, – закончил за него Павел. – Bravo, уважаю.

– Я тоже с вами пройдуся, – сказал Саша. – Надо снять показания с приборов. Павел, ты тут приберись пока, ладно?

– Ладно, – кивнул Павел, моментально трезвея.

Похоже, он больше валял дурака, радуясь новым людям, нежели захмелел. Да и то сказать, сто семьдесят граммов такому молодцу, да еще под закуску. Баловство.

– Не возражаешь против моей компании? – спросил Александр, остро глянув на Наташу.

– Ну что ты, – возмутилась та. – Какие могут быть возражения? Вместе веселей.

– Где двое есть, там третий лишний, – пропел ветхую острогу Павел.

Но «Александр Петрович» так покосился на него, что тот сразу примолк и занялся уборкой стола.

Роман вслед за Наташей выбрался из палатки. В лицо мягко повеяло солоноватым ветерком. Солнечный диск сиял в прозрачном небе. Гладь океана колыхалась вдали и ласково накатывалась на берег. Роман от наслаждения зажмурился. После перцовки все тело было податливо-легким. Так и казалось, что вот раскинь руки, шагни навстречу ветру – и так и взмоешь в эту бездонную синь.

Наташа, похрустывая галькой, спускалась к воде. Роман повел за ней блудливым глазом, возвращаясь с небес на землю. Хороша-а... А как она в вертолете на него смотрела? Это же просто жуть, аж внутри все задрожало. Еще бы минута, и он набросился бы на нее прямо там. Или... она на него? Интересный вопрос. Но до чего завлекательная штучка. Таких, пожалуй, и в Москве не найдешь.

Из палатки неторопливо вылез Александр. Расставив тяжелые ноги и приложив козырьком руку ко лбу, долго глядел куда-то за горизонт. Ну, вылитый Илья Муромец, только коня и шлема не хватает.

– Что интересного увидели? – дружелюбно спросил Роман.

– Завтра погода испортится, – ответил Александр, как-то все не глядя на Романа.

– Из чего сие следует?

– Да вон облака собираются. Видите, белые кучки на северо-востоке? И ветер меняется.

– Ага... – кивнул Роман, делая вид, что и он заметил какие-то там облака, хотя, по его мнению, ничто не могло в ближайшие сутки-двое помешать разгулявшейся погоде.

Александр медленно двинулся к Наташе. Роман пошел за ним, на ходу соображая, как бы отвязаться от этого медведя? Спал бы себе после сытного обеда. Так нет же, приспичило «проверить приборы». Ага, знаем твои приборы. Небось Наташу побоялся оставлять наедине с соперником, ревнивец несчастный.

Роман неприязненно смотрел в широкую спину Александра. Ишь, переваливается с боку на бок. Нагулял жиров. Килограммов десять точно лишних. Пора залегать в берлогу, тем более что и зима не за горами. Какие тебе девушки? Вон натаскали в пещеру ящиков с провизией – ты и радуйся. А за девушками найдется кому присмотреть.

Заверещал мобильный. Роман остановился и досадливо потянул его из кармана. Кто это о нем столь не вовремя вспомнил?

Уезжая из Москвы, он взял с собой лишь запасную трубу с чистой записной книжкой и номером, известным только Дубинину и Лене Пригову. Хотел, чтобы не беспокоили многочисленные московские знакомые, дали спокойно отдохнуть, почувствовать «дыхание земли». Но два человека обязаны были знать, где он находится и чем занимается в любое время суток. Подполковник Дубинин представлял родную Контору, то есть Главное разведывательное управление, и по долгу службы обязан был держать агента на круглосуточном контроле. Леня Пригов, «благодетель», как называл его Роман, был старшим дилером на фондовой бирже и тоже имел право и даже обязан был беспокоить Романа при первой необ-

ходимости. Когда-то Роман избавил его от больших неприятностей, и в благодарность Ленья стал его личным биржевым маклером, что в короткий срок принесло Роману, вчерашнему босюку, получавшему в Конторе гроши, приличные деньги и замашки богатого человека. К хорошему, то есть к дорогим ресторанам и клубам, к роскошным женщинам и казино, привыкаешь быстро, поэтому Роман, не видя здесь большого расхождения со своими моральными устоями, начал тесно и плодотворно сотрудничать с Ленией. Используя служебные навыки и отчасти положение, он добывал для Лени нужную информацию коммерческого толка, а тот пускал в работу деньги Романа (естественно, не забывая и про свои), успешно удваивая, а порой и утраивая их количество. Были, разумеется, и проколы, но небольшие. В основном же Ленья действовал безошибочно, и это позволяло Роману вести вполне обеспеченную даже по столичным меркам жизнь. Поэтому-то Ленья всегда был самым желанным и любимым его абонентом.

Гадая, кто из двоих, Дубинин или Ленья, явились по его душу, Роман достал наконец телефон из внутреннего кармашка куртки и глянул на экран. Слава богу, Ленья! А он уже испугался, что срочно понадобился Конторе. Если бы это было так, то на продолжении отпуска можно было поставить жирный крест. Их не смутило бы и то, что вертолет, который должен вернуть Романа и Наташу на Сахалин, прибудет послезавтра. Прислали бы через часок-другой свой вертолет или подводную лодку, – что губерния тмутараканская, это Конторе не помеха, у нее руки длиннющие, – и прощай, свет Наташа, навсегда. Такие случаи бывали не редки, и Роман за те короткие секунды, что доставал телефон, приготовился к худшему.

Но нет, на сей раз пронесло. Ленья, правда, тоже был способен на вводную, но все-таки не такую жесткую и безапелляционную, как родимое управление.

– Да, Леньчик, слушаю тебя внимательно, – радостно прощепетал Роман.

– Это я тебя внимательно слушаю, Рома, – сурово и даже скорбно отозвался Ленья.

Причина суровости объяснялась легко. Перед тем как улететь на Сахалин, Роман встретился с Ленией и, само собой, сообщил ему, где проведет отпуск. Ленья сейчас же сориентировался и подробно проинструктировал Романа относительно того, что именно их интересует на самом дальнем востоке. На месте, как известно, легче прояснить кой-какие вопросы, а стало быть, Роман запросто мог убить двух зайцев, то есть и отдохнуть в свое удовольствие, и нужные справки навести.

Роману ничего не оставалось, как дать согласие, поскольку спорить с благодетелем было никак невозможно. Но уже по прилете на Сахалин он как-то ненарочно обо всем забыл и ни разу не позвонил Лене, что, конечно, было большой ошибкой. Ленья и так не всегда был доволен его отношением к делу, а тут и вовсе мог потерять терпение и в своих услугах отказать, обрекая нерадивого компаньона на прежнее, пельменно-трамвайное существование, возвращаться к которому, после вкушения райских-то щедрот, ох как не хотелось.

– Что нового в Москве? – осторожно спросил Роман.

– В Москве все по-старому, – парировал Ленья. – А что нового можешь сообщить мне ты?

– Да... – замаялся Роман. – Пока, увы, ничего.

– Вот именно – увы, – язвительно заметил Ленья. – Очень плохо, Рома, очень плохо.

– Но что я могу? – попытался защититься Роман. – Никого, кроме тюленей, я здесь не видел, а у тюленей ничего путного не узнаешь...

– Можно и у тюленей кое-что узнать. Если, конечно, думать о деле, а не о...

– Ну, про тюленей это ты загнул, – хмыкнул Роман.

– Да нисколько, – с холодной яростью возразил Ленья. – Сейчас в тех местах, где ты изволишь находиться, – если ты мне не соврал по своей шпионской привычке, – осуществляются довольно крупные проекты, инвестируемые немцами и японцами...

– Когда это я тебе врал? – робко вставил Роман.

– Прокладываются нефте- и газопроводы, – не слушая его, продолжал Ленья, – строятся новейшие комбинаты по переработке морепродуктов. Естественно, это сразу отражается на обитании и популяции твоих чертовых тюленей. Если их где-то становится меньше, то возможностей заработать там у нас появляется больше. Хотя бы это вам понятно, капитан Морозов?

– Понятно, – удрученно проговорил Роман, сраженный стальной Лениной логикой.

– Рома, я хочу, чтобы ты помнил: информация всегда лежит на поверхности. Надо лишь не лениться ее поднять. Нагнуться и поднять. Ну да, для этого надо чуть-чуть напрячь спину и совсем немножко – мозги. Но ведь деньги просто так в руки не плывут. Надо очень хорошо поработать, чтобы их добыть.

– Я ведь не отказываюсь...

– А ты все больше по части тратишь, а не зарабатывать, – не слушая его лепет, отрезал Ленья. – Рома, так нельзя относиться к делу.

– Нельзя, Ленья, нельзя, – вздохнул Роман, по опыту зная, что лучший способ защиты от Лениных нотаций – полное и безоговорочное признание его правоты.

– Скажи, ты помнишь, на деятельность каких компаний я обращал твое невнимание?

– Ну, зачем ты так? – обиделся Роман.

– Помнишь или нет?!

– Да помню я, все хорошо помню, – огрызнулся Роман. – «РыбхозКурил», «Сахалин-газ», «Энергетик Пасифик». Но наибольшую важность представляет «Нефтьэкспо»...

– Как я понимаю, представляет только для меня, – констатировал Ленья.

– Ленья, сделаю все возможное и невозможное, – торжественно пообещал Роман. – Костью лягу, а добуду что-нибудь интересное.

– Лечь-то ты можешь и ляжешь, да вот будет ли с этого толк...

– Ну что я, так безнадежен? – перешел в атаку Роман. – Между прочим, каких-то две недели назад я сообщил тебе весьма ценную информацию. И если я заработал на ней сорок пять тысяч, то, надо думать, ты как минимум на порядок больше.

– Мои деньги считать не надо, – холодно заметил Ленья. – А свои, насколько мне помнится, ты до копейки спустил в казино.

– Ну, положим, не до копейки... – пробормотал Роман.

Ну да, был такой грех, в чем он сам же, простая душа, Лене и повинился. После ближневосточной командировки, разрядки ради, Роман наведлся в казино и за двое суток почти целиком проиграл все, что заработал для него Ленья. Остались несколько тысяч на черный день да мелочь из прошлых запасов, но ведь это – пшик, на котором долго не протянешь.

Так что прав Ленья, сто раз прав: работать, работать и еще раз работать.

– Ладно, мне пора, – устало сказал Ленья. – Желаю тебе приятного отдыха...

Роман почувствовал себя последней скотиной. Человек хлопчет, старается, буквально тянет его за уши к лучшей доле, а он, бездельник, млеет на солнышке и палец о палец не ударит, чтобы облегчить ему и без того нелегкую жизнь. Как еще Ленья его терпит?! Это просто золото, а не человек.

– Ты не болен, Леньчик? – участливо спросил Роман. – Не простудился? Как твой бронхит? Я каждый день о нем думаю...

– Думай лучше о деле! – отчеканил Ленья и дал отбой.

Роман удрученно покачал головой, глядя на гаснущий экран мобильного. Что за гнусное изобретение? Хоть под землю заройся, а все равно найдут. Выкинуть его, к такой матери, в океан, пока вдобавок из Конторы не позвонили. За этими не заржавеет. Их только помяни – они, как чертики из табакерки, тут как тут...

– Что, от начальства досталось? – спросил Павел, выходя из палатки и с улыбкой обозревая хмурую физиономию Романа. – Или от жены?

– Можно сказать, что от начальства, – пробурчал Роман, пряча мобильник в карман.

Куда от них денешься, в смысле, от Конторы и Лени? Прячься не прячься, все равно отыщут где хошь. Да и от себя не спрячешься.

– Не обращай внимания, – ободрил его Павел, вполне искренне. – Начальство далеко, досюда не достанет. Так что отдыхай и не парься.

«Это смотря какое начальство», – подумал Роман, но вслух дипломатично сказал:

– Я тоже так думаю.

Наташа вдруг обернулась и махнула рукой: иди, мол, к нам.

– Наташка тебя зовет, – оскалил зубы Павел. – Давай, не томи девушку.

– Откуда ты знаешь, что меня? – в тот ему отозвался Роман. – Может, как раз таки тебя?

– Не-е... – замахал рыжими патлами Павел. – Уж точно – не меня. Я не в ее вкусе. Проверено. Так что иди, дорогой товарищ, навстречу своему счастью, и пусть фортуна не оставит тебя своей милостью.

«Эк ты говорлив, – подумал Роман, впрочем, беззлобно. – Как тебя твой молчаливый напарник терпит? Наверное, по принципу семейной пары: противоположные характеры легче уживаются».

– А если тебя гложут сомнения насчет Петровича, то можешь не волноваться: он тебе не соперник, – сообщил с кривоватой ухмылкой Павел.

Роман на это ничего не сказал и направился к Наташе, сердито бросившей камешки в океан. Говорливый Павел ему порядком надоел, и он всерьез начал опасаться, что у бородачей созрел какой-то замысел против еще одного соискателя Наташиной благосклонности.

Покуривая на ходу, он смотрел на Наташу и на что-то втолковывающего ей Александра. Как-то больно Илья Муромец озабочен. И вид такой таинственный. Уж не выговор ли он ей делает по поводу привоза на остров первого встречного? Вполне возможно. Перцовку-то он пил, но косился волком.

Роман, совершенно не меняясь внешне, перешел на особую, бесшумную походку, пружиня колени и мягко «поглощая» камни подошвами. Конечно, нехорошо использовать профессиональные навыки в амурных целях, но так не хотелось оставаться в неведении относительно своей роли в этом треугольнике.

При его приближении Александр стал говорить тише, но Роман напряг слух и сумел таки уловить обрывок ключевой фразы.

– ...поэтому я полагаю, что до ученого совета тебе не стоит распространяться о сделанных мною выводах, – закончил Александр в затылок Наташе.

– Я это уже поняла, – глухо ответила она, с силой швыряя плоский окатыш в воду.

– А вот и я! – издали громко закричал Роман, тарахтя ботинками по камням. – Простите, был срочный звонок из древнепрестольной, задержали...

– Ничего, – обернувшись к нему, сказала Наташа. – Мы не торопимся.

Ему показалось, что его приход принес ей облегчение. Похоже, зануда Александр порядком донял девушку институтскими интригами. А она так рвалась на остров, хотела отдохнуть от городской суеты. Отдохнула...

«Эге, – подумал Роман с сочувствием, – да мы с тобой в одной упряжке, милая...»

– Ну что, где ваши хваленые красоты? – несколько фатовским тоном спросил он.

Александр как-то сразу сник, зато Наташа улыбнулась и махнула рукой вправо, в сторону отвесной скалы, вдающейся в море.

– Надо пройти туда. Недалеко, метров триста...

– Да хоть четыреста, – молодежато откликнулся Роман. – До вечера далеко, почему бы не прогуляться в хорошей компании?

– Ну, тогда идемте, – сказала Наташа, направляясь к скале.

Если бы эта скала от вершины до подножия шла строго вертикально, она бы смыкалась с водой, и тогда, чтобы обойти ее, пришлось бы замочить ноги. Но за многие годы приливы сильно подточили ее основание, поэтому внизу образовалась глубокая выемка, позволявшая пройти на другую сторону скалы посуху.

Пригнувшись, Наташа привычно шла под нависшим потолком, гладким, как бильярдный шар. Роман, не без удовольствия созерцая ее филейные выпуклости, туго обтянутые брючками, двигался следом. В арьергарде шаркал тяжелыми ногами Александр. Павел к ним так и не присоединился. Очевидно, он был дежурным по лагерю и остался мастерить ужин.

Обогнув скалу, Роман вслед за Наташей вышел на плоскую мшистую поляну, усеянную громадными круглыми валунами. Казалось, здесь только что играли великаны в какую-то диковинную игру. Не доиграв, они вышли на перерыв, отдохнуть и подкрепиться, оставив лежать мячи до своего возвращения.

– Прямо площадка для гольфа, – сказал изумленный Роман, подходя к одному из «мячей», достигавших метров пяти в диаметре.

– Мы ее так и называем, – сказала Наташа. – Здорово, верно?

– Угу... – кивнул Роман, трогая теплый камень ладонью.

Даже на ощупь чувствовалась многотонная тяжесть этого «шарика». Его красно-серые бока напомнили Роману что-то полузабытое из школьных учебников.

– Это гранит? – спросил он неуверенно.

– Гранит, – подтвердил Александр, поглаживая хозяйской рукой соседний камень.

– Он же очень твердый. Интересно, кто эти камешки так обтесал? Какие-то древние люди?

– Нет, не люди, – загадочно ответил Александр.

– Тогда кто? Неужели вода? – с дотошностью отличника допытывался Роман.

Он обрадовался, что молчаливый Александр наконец заговорил, и заговорил с охотой. Наверное, Роман случайно коснулся одной из его любимых тем, чем моментально растопил сердце ученого.

– Лава.

– То есть? Вы хотите сказать... это сделала лава, которую выбрасывают вулканы?

– Именно так, – с профессорской улыбочкой кивнул Александр.

– А что, здесь, – Роман сделал округлый жест рукой, – на острове, было такое сильное извержение?

– Когда-то, миллионы лет назад, безусловно. И не одно. Здесь проходили сотни и тысячи извержений. Курилы, так же как и Япония, и весь Гавайский архипелаг, находятся на границе столкновения мощных тектонических плит. Все эти острова поднялись со дна Тихого океана в результате бесчисленных извержений, происходивших за последние десять-пятнадцать миллионов лет. На дне океанов и морей скрываются целые горные страны. Представьте себе, что под поверхностью Тихого океана, по далеко не полным данным, насчитывается около десяти тысяч гор конусообразной формы и километровой высоты. И большая их часть имеет вулканическое происхождение.

– Не слишком уютно было когда-то в этих местах? – поежился Роман, внимательно слушавший ученого.

– Да уж, – засмеялся тот. – Вода буквально кипела на громадном пространстве. В воздух на многие тысячи километров поднимались огромные столбы пара, летели во все стороны раскаленные камни, бурлила лава, заливая океаническое дно своими потоками. Суша словно вырастала из-под воды, образованная остывающей лавой и скальной породой.

– Хорошо, что мы родились, когда все уже закончилось, – заметил Роман.

– Отнюдь не закончилось, – покачал лохматой головой Александр. – До сих пор на дне океанов и морей происходят многочисленные вулканические явления. И не только на дне океанов. По всей поверхности суши наблюдаются регулярные извержения, сопровождаемые землетрясениями той или иной мощности. Эти «шарики» лежат здесь не более сотни лет. Активность движения тектонических плит очень высока, и человечество ждет еще многие беды, принесенные их столкновениями.

– Невеселый прогноз. И что, никак нельзя повлиять на эти самые тектонические плиты?

– Ха-ха-ха, – раскатисто захохотал Александр. – И как ты себе это представляешь?

– Ну, не знаю... Ты же ученый, – перешел на «ты» и Роман, – тебе и карты в руки.

– Ладно, попробую объяснить, – сжалился, вдоволь нахохотавшись, Александр.

– Сделай милость, – пробурчал Роман.

– Согласно новой глобальной тектонике, верхняя жесткая оболочка Земли – литосфера – состоит из семи-восьми гигантских плит неправильной формы, – щурился медвежьими глазками, тяжеловесно начал Александр. – Это Тихоокеанская, Северо-Американская, Южно-Американская, Африканская, Евро-Азиатская, Индийская и Антарктическая плиты. В несколько раз меньше плита Наска, но и она причисляется к крупным плитам. Кроме названных, существует еще несколько десятков малых плит. Толщина крупных плит – от десяти до восьмидесяти километров под океанами и двести-триста километров на континентах. А горизонтальные размеры достигают десяти-пятнадцати тысяч километров.

Роман присвистнул. Но Александр уже увлекся и его удивления не заметил.

– Эта система плит не является постоянной. Жесткие, спокойные внутри глыбы-платформы, на которых покоится вся поверхность Земли, скользя по пластичным внутренним слоям, находящимся в почти постоянном, очень медленном движении, перемещаются под воздействием конвекционных течений, поднимающихся из высокотемпературных глубин. Таким образом, границы между плитам являются геологически активными зонами. Одни плиты двигаются навстречу друг другу и иногда даже перекрываются, другие расходятся в стороны, третьи скользят вдоль границ в противоположных направлениях. Каждый тип этих движений порождает определенный тип разломов, и все они вызывают тектонические землетрясения.

– То есть где-то там, – Роман ткнул пальцем под себя, – эти плиты сталкиваются, и с матушкой-Землей происходят разные нехорошие вещи?

– Именно так, – кивнул с важностью Александр. – Хотя это, разумеется, очень упрощенный подход к проблеме...

– И нет никаких вариантов, чтобы предотвратить хотя бы наземные извержения? – возвратился Роман к своему вопросу.

– Ну, кое-что учеными делается, – нехотя отозвался Александр. – Например, в тех районах, где начинает увеличиваться напряжение в горных породах, предлагается пробурить внутри разломов глубокие скважины и под высоким давлением накачивать в них воду, которая послужит чем-то вроде смазки между трущимися плитами и ускорит их движение. Таким образом, как считают некоторые сейсмологи, можно вызвать возникновение слабых землетрясений, что снизит энергию деформации, накопившуюся в данном районе. Предполагается еще один, более радикальный, способ профилактики назревающих землетрясений и извержений. Речь идет об использовании ядерных взрывов. К примеру, если точно знать, где накопилась сейсмическая энергия, можно пробурить в этом месте скважину, опустить в нее мощный заряд и взорвать его. Добавочные напряжения в породе, вызванные взрывной волной, превысят ее прочность и вызовут землетрясение. Благодаря этому можно избежать самого страшного – внезапного удара.

– Ну вот, а говоришь, нет вариантов...

– Я этого не говорил. Но все это пока малоэффективно. То, что происходит внутри Земли, увы, не поддается точному прогнозу. Нет никакой гарантии в том, что все будет развиваться так, как хотелось бы. Не исключено, и скорее даже возможно, что спровоцированное землетрясение будет не ослабленным, а столь же мощным, как и естественное. Если не мощнее. Так что здесь самое главное – не сделать хуже.

– Да-а... – протянул Роман. – Оказывается, не все так просто под луной.

– Не все, – согласился Александр.

– Ну что, лекция закончена? – с улыбкой осведомилась Наташа, в одиночестве бродившая по полянке. – Можем идти дальше?

– Можем, – кивнул Роман. – Александр Петрович, спасибо за науку. А то так бы неучем и помер.

– Обращайся, – снисходительно уронил Александр.

Но лед между ними уже был растоплен, и Роман понял, что никакого камня за душой у Александра на него нет. Просто парень истомился тут куковать, распираемый своими знаниями и тайными амбициями. Поди, немалая зависть точит к тем, кто занимает высокие места на кафедрах и задвигает в тень молодых и талантливых. Ну ничего, он свое возьмет. Парень крепкий, до старости еще далеко, наверстает, дайте срок.

После «площадки для гольфа», перевалив через невысокую гряду, вышли на узкий, усеянный галькой берег, вдоль которого серой стеной тянулись зубастые утесы. Возле утесов тучами вились птицы, неумоимо полоща воздух острыми крыльями.

Роман нечто подобное наблюдал на Тюленьем острове, поэтому птицы его не особо заинтересовали. К тому же галдеж стоял такой, что хоть уши затыкай. Александр тоже не выказал большой радости и даже прибавил шагу, чтобы скорей миновать шумное место. Наташа, правда, с умильной улыбкой озираала скопления птиц, но мужчины, не сговариваясь, в ускоренном темпе вытащили ее за пределы птичьего базара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.